

Собеседник

Файбусович Эрнест Львович

Ведущий

Герасименко Татьяна Ильинична

Дата записи

Беседа записана 13 февраля 2016 и опубликована 12 октября 2017.

Введение

Вторая беседа с членом Совета старейшин Русского географического общества Эрнестом Файбусовичем — подробный рассказ об условиях жизни в Симферополе, Ленинграде и Саратове, студенческих практиках, путешествиях по СССР и работе в Саратовском университете и Ленинградском финансово-экономическом институте. Эрнест Львович объясняет, как правильно отбиваться от доносов в КГБ и посещать сотни городов, будучи простым географом.

Об условиях жизни и учебы в Симферополе

Эрнест Львович Файбусович: Все-таки мы платили не пятьдесят рублей тогда, а двести.

Татьяна Ильинична Герасименко: За обучение?

Э.Ф.: В школе пятьдесят платили.

Т.Г.: И школа? Старшие классы были?

Э.Ф.: В старших классах с восьмого по десятый мы платили по пятьдесят. А там брали чуть ли не двести.

Т.Г.: В семестр? Двести рублей — это была большая сумма или нет? Это за какой период? Каковы цены по отношению к зарплате?

Э.Ф.: Это большая сумма.

Т.Г.: Средние зарплаты какие были тогда? Вот ваши родители?..

Э.Ф.: Но мой отец был офицером, у него была большая зарплата. А мои тетки получали рублей по восемьсот.

Т.Г.: Рублей по восемьсот получали, и двести рублей в семестр платить. Ну, это немного.

Э.Ф.: У меня зарплата была в Якутске восемьсот пятьдесят два рубля за ставку. А если бы не Якутск, то семьсот десять — в старших классах.

Т.Г.: Семьсот десять. Допустим, у вас ребенок учится в университете или в институте, и двести рублей в семестр — это, мне кажется...

Э.Ф.: По-моему, двести. Пятьдесят было еще в школе.

Т.Г.: Ну ладно. Эрнест Львович, вы рассказывали про письмо, которое...

Э.Ф.: Про документы, которые подтверждают, что я ничего не придумываю. Сохранился любопытный документ. Мне кажется, что он интересен вот по каким соображениям. Говорят о том, что есть очень трудные условия для жизни, которые мешают человеку хорошо учиться, заниматься наукой, что все это очень осложняет. Я всю жизнь почти жил в очень тяжелых условиях, прежде всего жилищных.

Я рассказывал, как мы жили в эвакуации, в том же Верещагине в одной комнатухе втроем жили. Но и дальше, когда мы соединились с отцом, то он тоже не мог обеспечить хороших жилищных условий. Мы жили на окраине Симферополя — Красная горка называлась, знаменитая Красная горка. Она фигурирует, правда, под другим названием — Зеленая горка в «Любви Яровой» Тренёва. Кстати, мы покупали абрикосы у хозяев этого дома, в котором жил Тренёв в свое время, вот на Красной горке. Мы поселились в украинском доме, половину занимала хозяйка, а вторую половину занимала семья майора, а потом уже и подполковника советской армии. У нас была одна большая комната, в которой жили отец, мать, старшая моя сестра. А с 48-го года появилась еще и младшая сестра. В другом маленьком таком помещении была кровать, на которой жил я. И все. Была еще маленькая верандочка, которая заменяла кухню. Вот так мы жили, в таких стесненных условия. И классный руководитель нашего класса Бенедикт Павлович Мороз пришел по заданию школы и написал характеристику на меня. Вы ее читали, вот она от руки написана, это не копия.

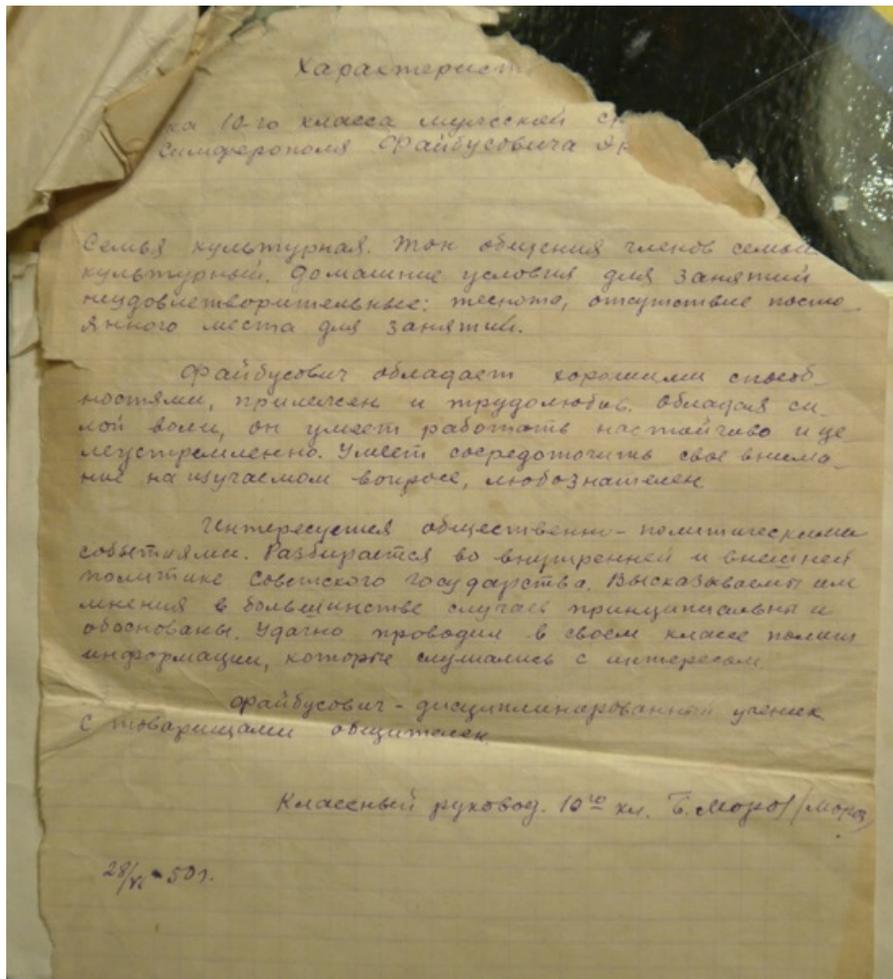
Т.Г.: Да, очень любопытная характеристика, давайте мы ее покажем на камеру.

Э.Ф.: Да-да. Надо ее как-нибудь увеличить потом.

Т.Г.: Да, мы потом сфотографируем ее дополнительно. Но на камеру видно, что здесь написано от руки, чернилами, очевидно. Авторучкой или перьевой ручкой?

Э.Ф.: Трудно сказать.

Т.Г.: Трудно сказать уже теперь.

Характеристика ученика 10-го класса Эрнеста Файбусовича. 1950

Э.Ф.: Скорее авторучкой, наверное. Так вот, мать моя была оскорблена: «Зачем он это внес в характеристику?» Но это полностью соответствовало действительности. Тем не менее это не мешало мне хорошо учиться.

Т.Г.: Прочитайте фразу, которой она была оскорблена.

Э.Ф.: А вот этой, что «семья культурна», — еще бы, два человека с высшим образованием юриста! «Тон общения членов семьи культурный» — ну, естественно, тем более, что мы боготворили своего отца. Он для нас был всегда эталоном во всем и этот культ отца был создан мамой.

Т.Г.: Мамой, как обычно.

Э.Ф.: Мамой. Она говорила: «Я что, а вот папа у вас совершенно замечательный человек». И мы даже не говорили «честное ленинское» в семье. Мы говорили «честное папинское». Для нас это был идеал человека. И что «домашние условия для занятий неудовлетворительные: теснота, отсутствие постоянного места для занятий». Так оно и было. Я сидел за обеденным столом, папа был на работе, мама возилась там с девочками, а я вот работал, так вот учил. И это мне не мешало. Потом я ложился и читал книжки, которые мне покупали, дарили к праздникам, или я брал в библиотеке, в своем отсеке таком маленьком. Это никак не отразилось на моей успеваемости. А дальше уже все обо мне написано вполне прилично. И,

в общем, объективно, соответствует реальности. Он был очень хорошим преподавателем математики.

Т.Г.: Классный руководитель был мужчина?

Э.Ф.: Да-да-да. Потом стала уже химичка. Она была неприятной такой женщиной. А это был очень хороший мужчина. И математику я знал тоже, хотя не очень ее любил.

Т.Г.: Эрнест Львович, мне кажется, эта характеристика интересна еще и с другой стороны.

Она же показывает, что учителя раньше выполняли несколько иные функции, чем сейчас. Я тоже раньше работала учительницей в школе. Я прекрасно знаю, что учителя были обязаны обследовать жилищные и всякие прочие условия у своих учеников. Они были обязаны посещать дома, знакомиться с родителями и с условиями жизни и отвечали очень за многие вещи.

Э.Ф.: Совершенно верно. Гораздо позже уже, в Якутии, когда я работал в этой 9-й школе, Моисей Израилевич требовал обязательно, чтобы я обошел всех учеников класса. Я был классным руководителем, познакомился с родителями. И меня это трогало. Я же был мальчишка, мне же было всего-то ничего лет, и я должен был обращаться к уважаемым людям, которым было по моим понятиям уже очень много, почти сорок лет. Мне казалось, что это очень старые люди. И я им должен давать советы. Я считал, что это совсем наоборот. Тем не менее Моисей Израилевич неуклонно требовал.

Т.Г.: И это обязывало, согласитесь.

Э.Ф.: Да. Классный руководитель, тебе за это платили лишних пятьдесят или семьдесят рублей, я не помню. За то, что должен был работать как классный руководитель и с родителями, должен проводить родительские собрания. Все так оно и было.

Т.Г.: И авторитет был у учителей намного выше, чем сейчас, в большинстве случаев.

Э.Ф.: Не могу сказать, что всех.

Т.Г.: Я думаю, да.

Э.Ф.: Были неприятные учителя, но были учителя очень серьезные, очень хорошие. Бенедикт Павлович относился к таким. Это был замечательный человек. Я все время говорю, что мне очень везло на очень хороших людей.

Т.Г.: Да, потому что вы хороший человек, Эрнест Львович.

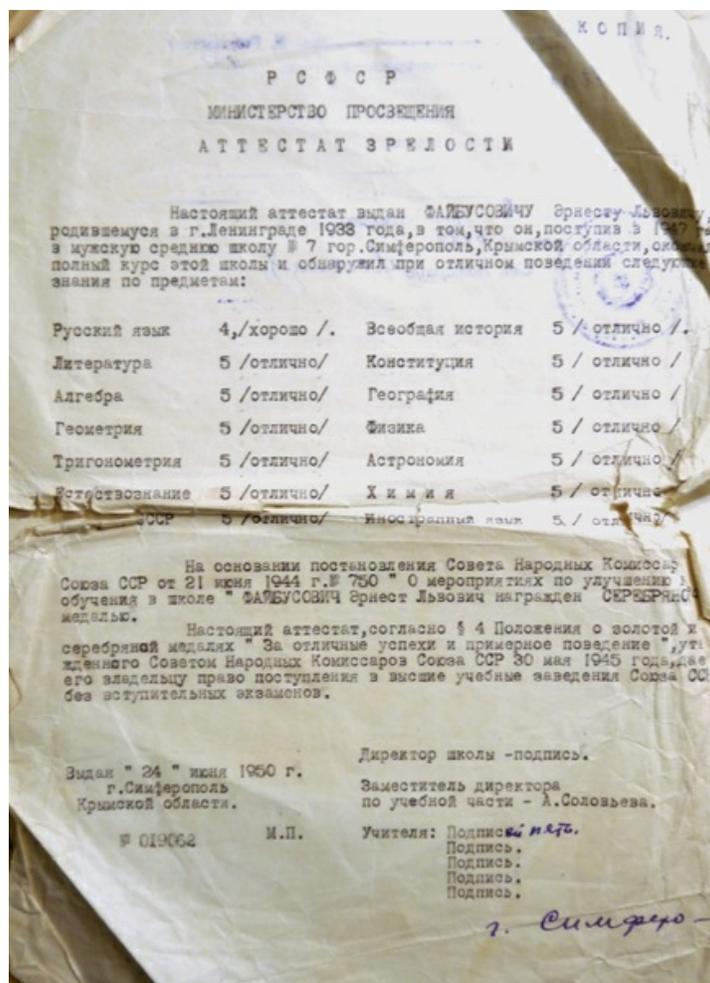
Поступление и учеба в Ленинграде

Э.Ф.: Нет. Так просто совпадает. Теперь дальше. Значит, я получил аттестат такой. Но это копия вкладыша в аттестат.

Т.Г.: Давайте тоже покажем на камеру.

Э.Ф.: Она рватенькая-рватенькая.

Т.Г.: Конечно. Мы потом сфотографируем это отдельно, а вот пока мы показываем на камеру.

Копия аттестата Эрнеста Файбусовича

Э.Ф.: Здесь у меня была единственная только четверка за сочинение, поэтому была серебряная медаль. Она давала право поступления в высшее учебное заведение без вступительных экзаменов. Я хотел воспользоваться этим правом и, соответственно, отправил заявление на географический факультет Ленинградского университета. Почему именно Ленинградского? Мой отец был военный, и было совершенно ясно, что ему могут сказать, что он засиделся в Крыму, слишком хорошо, уже пять лет сидит. Пора для приличия его в какое-нибудь другое место отправить. Действительно, я уехал летом 50-го года, а летом 51-го года отца отправили на Сахалин. Значит, я бы остался один в Симферополе. А что я бы там делал один? Все родные, сестры, братья моих родителей жили в Ленинграде.

Мои тетки, сестры моего отца, жили на улице Плеханова, 6, около Казанского собора, теперь вернули название Казанская. Но мы тоже всегда называли это Казанской, не называли Плеханова, при всем нашем уважении к Плеханову. Вот они взяли меня, в коммуналке опять же я жил вместе с тетками. Они спали в одной темной комнате, а я в другой. И тоже, строго говоря, не имел постоянного места для занятий, что ничуть не мешало мне заниматься. Тетки сделали для меня очень много. Они мне создали такую хорошую среду. Они меня кормили, они обо мне заботились. Я им очень благодарен на всю жизнь.

Соответственно, меня не взяли туда и вот прислали такую издевательскую в сущности бумагу... Где же закон-то?

Т.Г.: Давайте посмотрим, где издевательская отписка ваша.

Э.Ф.: Вот эта, так вы же ее сняли, нет? Телеграмма.

Т.Г.: Телеграмму мы не сняли, мы сняли характеристику. Вот эта телеграмма. Напомните вчерашний сюжет.

Телеграмма об отказе в приеме на географический факультет Ленинградского университета

Э.Ф.: Что вот прислали мне такую телеграмму, и когда я понял ее таким образом, что для медалистов нет вакансий, то я написал, что «давайте, я буду сдавать на общих основаниях». Тогда мне ответили другой телеграммой, она у меня не сохранилась, что «мы не имеем права вас экзаменовать».

Т.Г.: А в этой телеграмме написано: «Файбусовичу приеме географический факультет отказано отсутствию вакансии. Выслать ли документы. Секретарь». И адрес. Триста восемьдесят — это, видимо, номер этой телеграммы. Такую телеграмму получил Эрнест Львович, который должен был по закону быть принят без вступительных экзаменов в университет, но ему в этом отказали.

Э.Ф.: Да. Но дальше я рассказывал о том, что я ничуть не сожалею, потому что одно дело, так сказать, имидж учебного заведения, а другое дело — фактическая ценность. Это было прекрасное заведение* совершенно, как руководство университета (тогда института), так и руководство нашего факультета. Они максимально смягчили все тогдашние условия политические, связанные с культом личности и всем остальным. До нас это как бы не доходило. Мы жили на каком-то острове, в отличие от университета. Поразительная была атмосфера, просто поразительная.

* Говорит про Ленинградский педагогический институт имени М.Н. Покровского.

Т.Г.: Замечательно. Все, что ни делается, — все к лучшему, очевидно. И вот еще один документ, диплом уже заодно. Давайте его тоже покажем.

Э.Ф.: В дипломе у меня были все оценки отличные, поэтому я получил диплом с отличием. Но одно «хорошо» у меня было. Как это ни странно, опять-таки связанное с именем Сталина. Мы были на практике в 53-м году в той знаменитой 157-й школе у Феодосия Титовича Коцюбинского. Должен был состояться мой урок. А на уроке, как известно, присутствуют все практиканты, которые в этой школе работают, и для всех дается урок. Тут еще пришли в гости две моих подружки. Одна из них — моя будущая жена и другая очень славная женщина, она и сейчас жива, мы с ней по телефону разговариваем. Проходя практику в другой школе, они пришли посмотреть. Обмен опытом, как преподают у нас, как идет наша практика. И вот утром я просыпаюсь, чтобы идти на урок свой. Сообщают о смерти Иосифа Виссарионовича Сталина. Тем не менее дисциплина была железная. Все приехали к первому уроку. На первом уроке давала урок другая наша девушка. Все прошло хорошо. После первого урока нас вызывают в большой зал на митинг. Всех учеников собрали, все учителя пришли. Душно стало до невозможности, там не рассчитано на такое количество людей.

Обстановка ужасная. Причем поразительно: я не видел ни одного учителя, у которого была хоть какая-нибудь слезинка. Плакали уборщицы, почему-то они больше всех переживали. Мы были все очень взволнованы.

Понимаете, я был обыкновенный человек, я считал, что это нормально, что если человеку за семьдесят лет, то вроде более-менее естественно, что он умер, как бы ни жалко было. Поэтому я испытывал известную тревогу, я уже был достаточно взрослый, чтобы понимать, что должна сложиться новая какая-то власть, и кто может быть претендентом... И это действительно создавало напряженность, но это было совершенно чисто политическое отношение. Никаких таких особых чувств лирических и драматических у меня не было, как и у большинства присутствующих. Но дети стали падать в обморок. От духоты, от напряженной обстановки. Причем директор выступал совершенно нормально, спокойно, что умер наш великий вождь. Без тени слез и драматизма. А кроме того, дети были довольно голодненькие. Дело в том, что тогда же не было никаких льготных школ, никаких привилегированных школ, поэтому там учились дети, которые жили в окрестностях. Там большой прядильно-ниточный комбинат. И большая, значительная очень часть детей — это были дети матерей-одиночек главным образом. Это были довоенного рождения еще дети, они были безотцовщиной. Поэтому, естественно, материальный уровень их был очень низкий. По-моему, они были просто и голодные тоже. Многие из них, во всяком случае. И вот они стали падать в обморок. Особенно маленькие там. У меня были пятиклассники. Следующий урок мой, и тема у меня «выветривание». Я всеми возможными способами рассказываю, что такое выветривание, но вижу, что школьники ничего не воспринимают. У них перед глазами стоит этот митинг. Я начисто провалил урок, абсолютно начисто. Я потом давал другие уроки вполне прилично. И это не помешало Феодосию Титовичу проявить справедливость. Когда обсуждались наши уроки, он сказал: «Ну что это за безобразие!» — и перечислил все очевидные недостатки моего урока. Он не делал никаких скидок на обстановку. Когда проводили оценку уже всей педагогической практики, то мне поставили по педагогической практике четверку. И это была единственная у меня в дипломе четверка. Вот такая интересная связь была. А все остальные...

Т.Г.: Действительно, связь. Вон за сочинение из-за Сталина поставили четверку, и за практику.

Э.Ф.: И за конституцию. Вот такое интересное совпадение.

Т.Г.: Вот так Иосиф Виссарионович повлиял на ваши оценки.

Э.Ф.: Да-да, я и хотел это сказать. Он-то в этом не виноват. Кстати говоря, потом обстановка действительно очень быстро изменилась. Мы летом 53-го года поехали на практику, я еще буду об этом говорить. Я вам рассказывал, в Алёховщину. И там Анатолий Викторович стал с нами разговаривать. Мы слыхом такого не слыхали. Например, задавали такие вопросы, у нас не только география обсуждалась: «Какие ваши любимые поэты?» — «Лермонтов и Гумилев». А! Какой Гумилев? Никогда раньше он этого не говорил.

А вот в 53-м году уже летом, это был июль месяц, июнь даже, уже почувствовалась та самая оттепель. У Анатолия Викторовича был удивительный такой политический нюх, он сразу понял, что можно говорить посвободнее.

Т.Г.: Понятно.

Работа в якутской школе

Э.Ф.: Вот так вот. Значит, эти документы мы обсудили. Кстати, все эти документы были потом востребованы. Когда я пришел в школу к Кершенгольцу, то у меня были большие проблемы. По моим представлениям преподаватель должен быть лидером по характеру. Не по должности, что он занимает пост учителя, а действительным лидером. Но как я говорил, это волчья стая и Акела. Вот примерно такое должно быть соотношение. То есть безусловный авторитет, вызванный силой личности. Я, видимо, не располагал такой силой личности, по возрасту очень мало отличался от учеников. Я пришел на пост учителя географии. Мне был двадцать один год, а некоторым девятиклассникам уже было по восемнадцать, по семнадцать. То есть почти практически не было интервала, почти ровесники. Естественно, авторитет мой был не самый высокий. Я и как учитель явно не был авторитетом, и как классный руководитель тем более. Нужно было каждую неделю проводить классные часы. Вызывает меня директор и говорит: «Вы знаете, Эрнест Львович, идите домой, классный час проведу я». Я обрадовался, побежал. Буквально прихожу на следующий день на урок, смотрю: на меня дети смотрят совсем другими глазами.

Т.Г.: То есть он с ними провел воспитательную беседу.

Э.Ф.: Он провел беседу. Он потом уже много позже, когда я уже уезжал, рассказал, что «я им показал все ваши документы». Была еще очень хорошая написанная характеристика, она пропала. Которую написал Андрей Львович Биркенгоф, мой будущий руководитель. И вот он зачитал все эти документы, показал все эти оценки и сказал: «Вы смотрите, человек приехал к вам за тридевять земель вас учить, а вы просто даже не обращаете внимания, что он очень интересный и содержательный человек. Пожалуйста, ведите себя прилично». Директора боялись все. Не знаю, почему боялись. Он был совершенно не страшный человек. Но они понимали, что если что-то возникает, то лучше с директором не связываться. И действительно, они стали прислушиваться. Коренным образом изменилось отношение в классе. Просто потом у нас все три остальных года никаких проблем не было.

Т.Г.: Видите, какой мудрый руководитель встретился вам.

Э.Ф.: Потом постепенно все это передалось в другие классы. И уже к концу четверти все установилось на все три года, все уже было нормально. Вот как должен помогать молодым преподавателям опытный администратор, руководитель. Иначе я мог бы провалиться. Я сейчас читал одну новую повесть в журнале «Нева» (к сожалению, Ольга Николаевна не принесла этот журнал, она взяла его почитать). Там описана жизнь уже конца XX века, как в школу приходит учитель географии молодой. И каким страшным фиаско закончилось его там пребывание. Но мы до этого читали пермские романы Иванова.

Т.Г.: Да-да, «Географ глобус пропил».

Э.Ф.: Я не мог в это поверить. Когда пришел в библиотеку, сказал: «Дайте мне, пожалуйста, роман «Географ потерял указку»». Так мне почему-то запомнилось. Там ахнули, но поняли все-таки, о чем идет речь.

Т.Г.: Потому что фильм снят по этой пьесе.

Э.Ф.: Фильм уже потом был, а мы читали сразу его. Так вот это другой вариант.

Т.Г.: Кстати говоря, автор этого произведения — это друг Зырянова Александра Ивановича. Реальное лицо, совершенно. Он описал свои собственные переживания.

Э.Ф.: Мы писали, публиковали с Ольгой Балабейкиной, такую статью в «Географии» о том, как создан образ

учителя географии в литературе. Там в том числе про него и говорил.

Вот так, значит, эта помощь была оказана благодаря этим замечательным документам. Теперь мы можем вернуться к аспирантским годам.

Об аспирантуре и преподавателях

Э.Ф.: Егоров разговаривал со мной и сказал: «Раз вы выполнили нашу просьбу и честно отработали три года в Якутии, мы сделаем все, чтобы вас приняли в аспирантуру. Сдавайте экзамены». Я сдал экзамены.

Т.Г.: Это был какой год?

Э.Ф.: Это был 57-й год.

Т.Г.: 1957 год.

Э.Ф.: В 57-м году летом я приехал. И у меня приняли экзамены. Естественно, трудностей для меня особых эти экзамены не составляли. Тем более заведомо был задан вариант, что особо не придирались. И меня приняли на кафедру физической географии, которой руководил Андрей Львович Биркенгоф. К сожалению, именно же в это время произошло слияние наших вузов и оказалось, что нас присоединили к Герценовскому институту. Хотя некоторое время мы еще учились в институте Покровского, на Малой Посадской, тогда улица Васильевых была. А в конце концов даже переехали туда, в главное здание Герценовского института.

Андрей Львович очень не любил руководство кафедры физической географии, там — профессор Гожев, и он ушел. Ушел в Почвенный музей*. Почвенный музей возглавлял наш преподаватель, замечательный человек Афанасий Иванович Марченко. Он взял своего сотрудника бывшего, с которым сотрудничал у нас. Взял туда в качестве ученого секретаря.

* Центральный музей почвоведения имени В.В. Докучаева.

Мне назначили руководителем проректора Архангельского Александра Михайловича. Я пошел к Александру Михайловичу и сказал: «Вы знаете, я вас очень уважаю, но я бы хотел работать с Андреем Львовичем, потому что он знает меня, я знаю его. У нас уже много надумано вместе». Вы знаете, он принял. Он говорит: «Давайте, пусть он напишет заявление, мы почасовые будем ему платить». Я пришел к Андрею Львовичу, Андрей Львович говорит: «Я ничего в этом заведении не хочу иметь, даже почасовых». И так получилось, что номинально, видимо, числился руководителем Архангельский, и очень радовался, что нет лишних хлопот. А я по-прежнему все согласовывал с Андреем Львовичем. Приходил к нему в Почвенный музей, и мы много с ним обсуждали мои статьи. Он всегда говорил так: «Вы очень хорошо говорите и вроде как все гладко. Вы напишите». И уж когда я писал, тогда он начинал меня терзать, чтобы все это было написано все-таки получше. Вот такие у нас были с ним отношения. В Герценовском институте было много хороших преподавателей. Некоторые из них перешли из нашего Покровского. В том числе Анатолий Викторович Даринский, он возглавил там кафедру методики.

Т.Г.: Методики преподавания географии.

Э.Ф.: Да, методики преподавания географии. Кроме того, там был замечательный человек Григорий Соломонович Невельштейн. Он пришел к нам на четвертом курсе только, когда я приехал из Новозыбкова. Поэтому он вел всего один маленький курс у нас и не мог развернуться, показать себя. А потом мы ушли. В то же время поступил в наш институт, его тоже Анатолий Викторович пригласил, совершенно выдающийся географ Михаил Михайлович Ермолаев.

Т.Г.: Да, действительно.

Э.Ф.: Понимаете, а мне не досталось. Он вел занятия на других курсах, а не на четвертом, соответственно,

я видеть-то его видел, а заниматься не занимался. Вот Елена Яковлевна у него училась. Она боготворит его. Ермолаев-то потом ушел в университет, а вот Невельштейн в Герценовский, и дальше он был в значительной мере моим консультантом. Он не был руководителем. Он на кафедре экономической географии работал. Но больше всего я работал с ним уже в силу личных взаимных симпатий. Так что еще на одного человека мне очень хорошо повезло. И очень неважные отношения у меня сложились с заведующим кафедрой, с Гожевым. Гожев вообще был довольно тяжелый человек, но не тем он будет помянут. Он все-таки был сильный, конечно, ученый, но на мой взгляд, он заблуждался. Я был воспитан в другой школе, и я даже на экзамене пытался дебатировать некоторые вопросы. Это не помешало все-таки поставить мне отличную оценку по географии. Объективно. Наука есть наука.

Т.Г.: Конечно, для науки не бывает авторитетов.

Э.Ф.: Кстати, на кафедре этой я работал с замечательным человеком, он же был деканом. Николай Николаевич Иванов. Очень крупный климатолог. Выдающийся климатолог и очень хороший человек. Так что было много интересных людей.

Как это ни странно, отлично у меня было по языку, немецкому. Мне дали какой-то текст, я посмотрел, я этот текст наизусть знаю на русском языке. Я его воспроизвел по памяти. Мне не надо было переводить.

Т.Г.: Так подождите, Эрнест Львович, я помню, вы мне давали некоторые работы, собственноручно переведенные с немецкого языка на русский. Не свои работы, а работы немецких географов.

Э.Ф.: Было. Я переводил.

Т.Г.: Я их использовала даже в своих работах.

Э.Ф.: Нет, это было, но в общем-то я не настолько хорошо знаю язык. Дело в том, что настоящее знание языка — это умение понимать с голоса и умение самому говорить.

Т.Г.: Это другой навык, конечно.

Э.Ф.: Я говорю по-немецки, меня немцы не понимают, что я говорю по-немецки. Я говорю по-русски.

Т.Г.: У вас просто развит другой навык: вы читаете и переводите. То есть вы практически без словаря это делаете.

Э.Ф.: Нет. Кое-какие термины я, конечно, смотрю. А вот на слух я ничего не воспринимал, и сам когда говорил, то немцы не понимали, что это немецкий язык, потому что я говорю по-русски.

Т.Г.: Понятно, произношение не поставлено.

Э.Ф.: Я не могу ни грассировать, ничего. Выбили из меня это еще в эвакуации. Но наша преподавательница, готовившая меня к экзамену, сказала: «Вы конечно, понимаете, что вы получили пятерку по географии, а не по немецкому языку». Она видела все хорошо. Тем не менее отлично поставили. Но зато совершенно несправедливо мне поставили четверку по философии.

Т.Г.: Так. Опять Иосиф Виссарионович вмешался?

Ф.Э.: В данном случае почти что да. Дело в том, что я был убежденный сторонник того, что географическая среда оказывает влияние на жизнь общества. И вообще говоря, воспринял это из «краткого курса», где в знаменитой философской главе, которую как будто бы писал сам Сталин, но это не доказано, прямо написано, что географическая среда влияет на развитие человеческого общества. Но только в сторону либо замедления, либо ускорения.

Т.Г.: То есть фактически вы сторонник географического попсибилизма.

Ф.Э.: Детерминизма.

Т.Г.: Нет, скорее попсибилизма, все-таки. Детерминизма?

Э.Ф.: Нет, это все-таки общее — детерминизм. Я работал в этом направлении. Я очень любил философию, очень интересовался философией. Причем самой настоящей диалектико-материалистической. Я по убеждениям материалист и только такую философию признаю, хотя с удовольствием читаю и идеалистов тоже. Но это для общего развития.

Вот когда я со всем этим работал и пришел на экзамен, то мне как назло достается вопрос «Критика буржуазных теорий географии». А я человек принципиальный. Я преподавателям, принимающим говорю: «Вы знаете, я могу назвать фамилии тех, кто числится буржуазными географами, но я не могу выступить с какой-нибудь критикой, потому что я в глаза не видел ни одного их произведения. А я могу критиковать только тех авторов, которых я читал по-русски». Мне поставили четыре.

Т.Г.: Это из серии не читал, но поддерживаю.

Э.Ф.: Я так не умею. Если бы мне дали прочитать, наверное, я может и нашел бы критические замечания.

Т.Г.: В этом месте, Эрнест Львович, надо пояснить, что вы не читали не потому, что вы не хотели читать, а потому, что эти произведения не были доступны в то время.

Э.Ф.: Конечно.

Т.Г.: Когда позже я училась, мы занимались тем, что по учебникам должны были критиковать произведения, которые не видели в глаза. Они были объявлены буржуазной лженаукой, эти идеи, и так далее и так далее. Современное поколение должно быть счастливо от того, что имеет возможность и доступ ко многим этим вещам.

Э.Ф.: Конечно. Уже позже, в Саратове, у меня возникла необходимость познакомиться с творчеством Хартшорна*. Я прошу выдать мне журнал на английском языке. Журнал американский, на английском языке эта статья. Я думаю, что я буду смотреть, что я там пойму? Я английского-то не знаю. Думаю, ладно, хоть перепишу может быть что-то. В спецхране этот журнал.

* Также встречается написание Хартсхорн (англ. Richard Hartshorne).

Т.Г.: Специальное разрешение нужно было.

Э.Ф.: Нет, мне разрешение дали смотреть, но не дали снять копию.

Т.Г.: Было такое.

Э.Ф.: Ясно, что запрещено было не из-за Хартшорна, а потому что там про нас было написано. Вот это сделало журнал закрытым, потому что что-то нехорошее о нас написали. Поэтому журнал был, а я не мог им пользоваться. Я английским не владею совершенно. Но это было позже. Так что же я буду критиковать того же Хартшорна? Вот это мне обошлось в четверку. Правда, говорили, что только члены партии получили пятерку по философии. А я не был членом партии.

Отношение к партии и коммунизму

Т.Г.: А вы не были членом партии никогда. Это тоже заслуживает отдельного сюжета, наверное.

Э.Ф.: Ну, сюжет тут очень простой. Я в принципе коммунист по убеждениям, у меня коммунистические убеждения. Но это не означает, что я всегда восхищался тем, что делала руководящая партия. Отец это прекрасно знал и сказал мне: «Я тебе не советую вступать в партию, потому что пока ты беспартийный, ты обладаешь сравнительной свободой, правом свободного мнения. А если ты скажешь что-нибудь, будучи партийным, то исключение из партии — это уже полный конец карьеры. А тебя тогда точно исключат».

Т.Г.: Отец ваш был коммунистом?

Э.Ф.: Отец мой был коммунист. Он вступил перед войной в коммунистическую партию по совершенно идейным причинам. Он понимал, что с фашизмом надо бороться, что реально борется с ним только коммунистический Советский Союз, значит нужно. Он прекрасно знал все недостатки этой партии. Значит нужно в этой партии быть. Он был честным настоящим коммунистом.

Т.Г.: А другие члены вашей семьи тоже не были партийными? Никто кроме отца?

Э.Ф.: Нет. А зачем? Я был комсомольцем. Четырнадцать лет был в комсомоле. Как комсомолец я хорошо себя проявил.

Т.Г.: А октябренком вы были? Или у вас не было еще?

Э.Ф.: Октябренком я не был.

” Пионером я тоже практически не был. Дело в том, что пионер должен был носить пионерский галстук. А я такой технически слабый человек, я не умел завязывать галстук. Я считал, что неудобно быть в организации, когда ты не можешь завязывать галстук, это нужно просить маму.

Т.Г.: Это тоже интересный момент. Эрнест Львович, в ваше время, видимо, вступать в ряды пионеров Советского Союза было не обязательно?

Э.Ф.: Формально считалось, что все ученики пионеры. Но в тех школах, где я учился, нужно было пионерский галстук, я не умел завязывать, я поэтому не считал себя пионером.

Т.Г.: Вы просто его не носили? Вас не принимали разве в пионеры? Это же было торжественное мероприятие.

Э.Ф.: Нет. Потом я столько поменял школ, что было непонятно. И не во всех школах так уж пионерская жизнь была в те времена.

Т.Г.: И от вас не требовали обязательного ношения этого галстука?

Э.Ф.: А вот комсомольцем я пробыл все четырнадцать лет. Вступил прямо в апреле, у меня был день рождения. Сразу же меня приняли, и ушел я из комсомола уже будучи преподавателем в Саратове.

Т.Г.: В двадцать восемь лет.

Э.Ф.: Год еще ходил со значком.

Т.Г.: Комсомольцами имели право быть подростки с четырнадцатилетнего возраста. В двадцать восемь лет они выбывали по возрасту.

Э.Ф.: И комсомольцем я был. Даже в институте в комсомоле я был членом бюро факультета и отвечал за политическую работу.

Т.Г.: Понятно.

Быт в коммунальной квартире

Э.Ф.: Я всегда был склонен к политике. Значит, теперь аспирантские годы. Аспирантские годы были связаны с двумя обстоятельствами. Во-первых, основным местом работы была Публичная библиотека. Поскольку я очень увлекался теоретическими вопросами, то приходилось сидеть в библиотеке очень много. Публичка тогда называлась «Тюрьмой народов». Дело в том, что прислали очень большое

количество китайцев, а китайцы работали как проклятые. Мао сказал: «Мы платим деньги за то, что вас учим. Чтoб учились!» Они сидели с утра до вечера и вкалывали. Это было потрясающе. В шутку называлась «Тюрьма народов». Я не столько работал, сколько они, но по очень уважительным причинам. Я опять вынужден ныть. Но я жил в тяжелейших бытовых условиях. Мы жили в коммунальной квартире. Комнату, в которой мы жили, правда, большую комнату, тридцать с лишним метров, занимал сам тесть Александр Иванович Шишканов, теща Вера Дмитриевна и их младшая дочка Люба. В этой же комнате жили мы с женой и с маленьким сыном.

Т.Г.: В одной. Все в одной комнате. То есть сколько вас человек жило?

Э.Ф.: Шесть.

Т.Г.: Шесть человек, в том числе дети маленькие и младенец ваш, жили в одной комнате. А какой она была площади?

Э.Ф.: Тридцать метров.

Т.Г.: Тридцать метров. Тоже может быть интересной такая деталь, в коммунальной квартире сколько было комнат и сколько было соседей?

Э.Ф.: Еще в одной комнате, принадлежащей Александру Ивановичу, он поселил старшую свою дочь с мужем и с дочерью. Она жива до сих пор, Антонина Александровна. У них была поменьше комната, что-то двадцать четыре метра что ли. К ним часто приезжала из Одессы мать Володи Глушкина, это моего свояка, соответственно, там было еще четыре человека на всю зиму. На лето они уезжали в Одессу. Вот десять человек в двух комнатах на пятидесяти четырех метрах.

Т.Г.: Одна кухня на всех.

Э.Ф.: Нет, кроме того там было еще две семьи.

Т.Г.: Так еще же было две семьи. То есть всего четыре, пять семей получается.

Ф.Э.: По существу, три было только у нас семьи, а кроме того еще было.

Т.Г.: Две — совершенно посторонние люди, с которыми вы вынуждены были делить общую кухню...

Э.Ф.: Да-да.

Т.Г.: Общий санузел.

Э.Ф.: Что еще важнее было.

Т.Г.: Что у вас было — ванная или душевая?

Э.Ф.: Нет, ничего не было.

Т.Г.: Вообще? И этого не было?

Э.Ф.: В природе не было.

Т.Г.: Понятно.

Э.Ф.: Вот так мы жили. Поэтому были большие сложности. Дело в том, что так получилось, что наш сын очень рано остался без грудного молока. Мы в Якутске его произвели на свет, когда жена вышла на работу, то она сцеживала молоко и оставляла меня с сыном. Нам расписание развели наши завучи, чтобы мы по очереди работали. Сын очень быстро понял, что гораздо выгоднее из соски сосать, чем мучиться, тратить силы у груди, поэтому он отказался от груди. Пришлось его переводить на искусственное питание.

Т.Г.: Искусственное вскармливание, да.

Э.Ф.: Это имело плохие последствия, конечно, потому что это создало нездоровый характер жизни. Он привык к тому, что родители выполняют одинаковые функции. Он обоих нас называл «мама». Функции-то были одинаковые — кормить. Поэтому «мама». «Мама»-я ему нравился больше, чем мама действительно, поэтому он хулиганил... Вот мы спим с женой, рядом маленькая кроватка — он, и спят все остальные. Работающий тесть, все. А он ночью начинает орать. Маленький еще был, ему еще года не было, начинает орать, плакать. Я встаю и сажусь около него, поглаживаю его, что-то ему там говорю. Тихонечко, естественно. Вроде засыпает. Я встаю, тут же: «А-а-а!» — взрыв такой. Тогда Вера Дмитриевна кричит: «Валька, ты matka, ты должна сидеть с ним!»

Г.Т.: Вера Дмитриевна — это ваша теща?

Э.Ф.: Теща, да. «Ты должна сидеть с ним». А он ее не признавал ночью. Днем — да, а ночью нет. Поэтому ночью я, конечно, не высыпался тогда очень сильно. Почему-то маму только днем воспринимал. Потом мама уходила на работу, она работала, а я оставался с сыном, я выгуливал его и только потом уже оставлял на тещу, а сам уходил, садился в четвертый трамвай. Он на Голодае как раз делал кольцо и вез далеко-далеко в обход через Петроградскую сторону.

Т.Г.: И вы, наверное, спали.

Э.Ф.: Нет, не спал — читал. Читал в трамвае. Вылезал я на углу Садовой и Инженерной, где четверка уходила дальше, и шел в Публичку. Можно было гораздо легче проехать на автобусе. Был шестой автобус, ходил с Голодая прямо к Публичке. Но трамвай стоил тридцать копеек, а автобус стоил — он же по зонам — рубль.

Т.Г.: Есть разница. Это существенно.

Э.Ф.: Существенная разница, и вот я таким образом экономил. Естественно, после этого первую половину времени работал очень напряженно. Тем более, все библиотекари всегда ко мне хорошо относятся, в любом месте. Я недавно произнес такой афоризм, что дружить надо только с аптекарями и библиотекарями. Это самые нужные люди. Это мой лозунг всегда был. Им всегда-всегда льстит, когда я это говорю. И вот они мне доставали книжки, помогали, даже запускали меня в фонды, чтобы я искал нужную литературу сам. Очень хорошо ко мне относились. И вот я сию-сию-сию, есть хочется. Я иду в буфет, там что-нибудь съедаю, после этого я прихожу и засыпаю. Чтобы не видели все, что спал, я вот так сидел, как будто раздумываю, а на самом деле просто наглым образом сплю. А вот когда я пробовал не есть, то тогда начиналась сильная головная боль. Все-таки работа-то умственная напряженная, и требуется какая-то глюкоза. Вот такие были трудности мои. Тем не менее это не мешало мне очень много всего перечитать. Тогда же не было способов воспроизводства. Сейчас можно сделать ксерокопию.

Т.Г.: Только конспектировать.

Э.Ф.: Все приходилось конспектировать. В общем, я честно трудился в этом заведении.

Т.Г.: Эрнест Львович, еще о коммунальной квартире. Отношения с соседями складывались нормально?

Э.Ф.: Нормально.

Т.Г.: Не было никаких конфликтов?

Э.Ф.: Никаких скандалов не было. Все понимали, что они невиноваты, все относились друг к другу вполне лояльно. Ни одного скандала не было.

Т.Г.: А вот интересно, например, по утрам, когда нужно всем посетить...

Э.Ф.: Вот это большая проблема. Это очень большая проблема.

Т.Г.: И умыться. Опять же на кухне...

Э.Ф.: Умыться — только на кухне один был кран и все.

Т.Г.: Все равно очередь создавалась наверняка.

Э.Ф.: Нет. Там по счастью было много неработающих.

Т.Г.: Все распределяли время.

Э.Ф.: Уходил на работу тесть, уходили на работу старшая сестра и ее муж, и уходила моя жена. Я, например, не выходил в это время, я уже выходил позже, а пока с ребенком был. Я хочу сказать, что какой нужно иметь врожденный такт, чтобы три года держать у себя другую семью, и ни разу ни одного скандала не было.

Т.Г.: Это действительно очень поражает и потрясает.

Э.Ф.: Вот эта простая женщина с двухклассным образованием из Рязанской области — как тактично она себя вела. Вера Дмитриевна.

Т.Г.: Эрнест Львович, но ведь вам же еще другие бытовые проблемы приходилось решать. Ребенка надо купать каждый день.

Э.Ф.: Нет, об этом и речи не было.

Т.Г.: Этого не было? А вы все, вообще все жильцы посещали баню?

Э.Ф.: Да.

Т.Г.: Как мылись, раз в неделю в бане?

Э.Ф.: Я, честно говоря, даже сейчас не помню. Наверное, бабушка его как-нибудь мыла, когда все разбегались.

Т.Г.: В тазике каком-нибудь.

Э.Ф.: Этим я точно не занимался. Сами взрослые ходили, конечно, в баню. Там баня напротив была, вот это можно было, а ребенка — маленький он, брать его в год. Жить там было очень тяжело еще потому, что очень сырая была квартира. Дело в том, что архитектор Фомин создал новый Петроград, тогда новый Петербург, и построил таким неудачным образом дом, что одной стороной, той, которой мы жили, он выходил на север, а другой на юг. В результате создавался страшный потенциал давленческий. Представляете, с одной стороны солнце светит, а с другой север, холод. Поэтому открыть окно было невозможно: срывало все. Во-вторых, север в ленинградских условиях — это гибель, солнца не бывает. Там была сырость страшная, сырость была ужасная. Плюс еще на кожевенном заводе работал Александр Иванович и приносил запах кож. И у сына началась бронхиальная астма. Это страшная была вещь. Он находится там практически не мог. Его забрали в больницу и сказали, что его из больницы вообще не отдадут, пока мы не снимем дачу. Пришлось снимать зимой дачу в Ольгино. Теперь это часть города, а тогда это было за пределами города. Снимали дачу, моя мама и теща по очереди по месяцу его там воспитывали, пока я учился, а жена работала. Вот так приходилось выходить из положения. Нам пришлось Ленинград покинуть из-за отсутствия жилплощади после окончания аспирантуры и потому, что сын не переносил совсем климата.

Т.Г.: Но до этого мы еще дойдем, давайте тогда вернемся к аспирантуре.

Э.Ф.: Да-да. Вот такой был быт. Но еще когда сыну было очень плохо, его брала моя мама, но у них условия были еще хуже. Мой отец получил в очень хорошем месте рядом со Смольным, на Тверской улице, в новом доме не квартиру, а комнату в красивой хорошей квартире. Я не знаю, сколько в ней было метров, может быть, метров двадцать с небольшим. Жил он с мамой и с двумя моими сестрами. Вот когда уже сыну от астмы становилось совсем плохо, мама забирала еще и его, но там квартира была хорошая, солнечная.

Т.Г.: Они в каком районе жили, на каком месте?

Э.Ф.: Около Смольного.

Т.Г.: А, мы же с вами там гуляли. Я уже просто немножко...

Э.Ф.: Там Анатолий Викторович Даринский жил в соседнем доме.

Т.Г.: Да-да.

Ф.Э.: Значит, она еще и моего сына брала. Вот так люди жили. Кстати, соседи такую же комнату занимали, тоже отставного военного, тоже какой-то майор с женой и двумя взрослыми сыновьями. Жили вчетвером. И только третью маленькую комнатку занимала одна женщина. Вот такое количество людей было. Это так оценили вклад в победу моего отца. Вот такой ужас, просто в жутких условиях, конечно.

Т.Г.: Эрнест Львович, не могу не задать вопрос. Это было объективно, все так жили, или все-таки было расслоение в то время? Кто-то жил в гораздо лучших условиях, и кому оказывались такие привилегии? Если ваш отец, который действительно сделал очень много...

Э.Ф.: Ничего не могу сказать. Я отвечаю за то, что было точно. А кто что-то имел лучше, я этого не знал.

Т.Г.: То есть вы эти вопросы не задавали? Просто жили.

Э.Ф.: Нет. А зачем? Для меня это было очень важно и существенно, я очень от этого страдал. Ну, а что поделаешь? Действительно, большинство людей жило в Ленинграде именно так.

Т.Г.: То есть чего-то добиваться не пытались, какого-то улучшения?

Э.Ф.: Нет. Я так ничего не добивался.

Т.Г.: Ребенок болеет, можно было бы куда-то обратиться.

Э.Ф.: Да нет.

Т.Г.: Нет, это было невозможно?

Э.Ф.: Нас даже не могли поставить на очередь, потому что формально у нас была норма. Вот если бы, скажем, родилась у нас еще девочка, то нормы не было бы, и нужно было поставить на очередь. А так нет, живите. Это вынудило нас покинуть Ленинград. Во-первых, это отсутствие жилплощади, во-вторых, то, что сын не переносил условия.

Т.Г.: Это очень, конечно, серьезная причина.

Исследовательские задачи в аспирантуре

Э.Ф.: Это грустно, но вернемся к другим занятиям, кроме библиотеки. Наш Андрей Львович поставил перед нами, это передо мной и второй своей аспиранткой, Леной Черниковой, задачу: исследовать народный опыт освоения ландшафта. Разных ландшафтов.

Т.Г.: А вы с ней были знакомы тогда? С Еленой Яковлевной?

Э.Ф.: С Леной мы были знакомы с 52-го года. Она поступила на первый курс, когда я уже учился на третьем. Во-первых, сразу ее высоко очень оценил Андрей Львович, и это нас сближало. Во-вторых, она отличалась удивительным таким разрезом глаз. Я называл «японские глаза» такие.

Т.Г.: Черненькая, да. Я помню ее в таком возрасте.

Э.Ф.: Поэтому я запомнил ее сразу же. Там было таких две-три девушки, которые очень ярко выделялись своими определенными свойствами. Вот в том числе Лену я запомнил уже тогда. Она училась на два курса позже меня, а я-то после окончания три года провел в Якутске, а она, закончив, сразу попала в аспирантуру. Как это ей удалось сделать, я не знаю.

Т.Г.: Да, это удивительно.

Э.Ф.: Но она сразу же пошла в аспирантуру. Таким образом, когда я пришел, она уже первый курс аспирантуры закончила, а я только поступил. И вот задача была сформулирована так: исследовать народный опыт.

Т.Г.: Ваша задача и ее, то есть совместно.

Э.Ф.: Мы оба были аспирантами. Ей предложили знаменитую Каргопольскую сушу. Это в Архангельской области. Это было связано вот с какими обстоятельствами. Все-таки это девушка была, и Андрей Львович беспокоился, как она сама одна поедет. Поэтому он устроил ее в почвенную экспедицию, с Афанасием Ивановичем Марченко как раз. Это дало ей возможность все-таки быть в каком-то коллективе, но она много и сама очень ходила. И написала блестящую совершенно кандидатскую диссертацию. Правда, ее она поздно защитила очень, но очень высоко оценила ее общественность. В том числе она очень много взяла от Михаила Михайловича Ермолаева, кстати.

Т.Г.: Кстати говоря, насколько я знаю Елену Яковлевну, она очень тщательный человек.

Э.Ф.: Очень. Вот так она все и делает. Все полевые исследования провела там, все сделала, но на нее работал целый коллектив тоже, поскольку она была в экспедиции. Потом уже, гораздо позже мы, когда ехали в 2000 году на съезд в Архангельск, заранее выехали, потому что Лена всегда говорила: «А ты не был в Каргополе, а я вот была. Что это такое за безобразие». И вот мы слезли с поезда в Няндоме и автобусом доехали до Каргополя, несколько дней провели в Каргополе, поездили по местам ее, так сказать, славы. Там мы как-то зашли потом в музей. В музее пришли в восторг, потому что они узнали, что вот автор: они знали, что существует ее диссертация. Так она, вернувшись домой, послала им потом свою диссертацию, видимо, она там и хранится. Серьезная была, очень хорошая работа.

Т.Г.: В те времена вообще мне кажется, диссертации...

Э.Ф.: Требовательность была очень высокая.

Т.Г.: Они были хорошего качества.

Э.Ф.: Нет, но она просто еще и руководителя выбрала хорошего, и условия для работы были в почвенной экспедиции. Да, и консультация Ермолаева тоже много чего стоит. Тогда люди не делились. С кафедры обращались даже не к руководителю. Все равно. Общие были. Поэтому она хорошую очень написала диссертацию. Правда, вызвала там некоторые сомнения, ее вызывали даже в Москву на... Как это называют?

Т.Г.: Собеседование.

Э.Ф.: Да, собеседование. Но сделала она диссертацию хорошую. А мне не было такого. Мы посмотрели на карту с Андреем Львовичем и увидели на карте Псковской области пятнышко такое — Судомская возвышенность. И решили посмотреть, как Судомская возвышенность своим рельефом влияла на освоение территории человеком. И вот я в 58-м году поехал в поле. Значит, Псков, и на следующий год ездил туда. Два года, два летних сезона я провел в Псковской области один. Понял, что ничего хорошего не получится. Для того чтобы по-настоящему работать, надо делать почвенные разрезы, надо делать анализы почв. Надо много чего делать. А я что пойду с узлами, с почвенными образцами? Что это такое? То есть это было верхоглядство просто. Я видел природу, меня научили различать ельники-кисличники, сосняки-черничники, понимаете.

Это все чисто визуально делалось, у меня не было никакой реальной документации. Я мог работать только на чужих материалах. Там работала великолепная экспедиция наших ленинградских ученых. Я пользовался их материалами, познакомился с ними, с хорошими биологами познакомился в ботаническом саду. То есть я получал, конечно, информацию, но это была чужая информация. А я хотел все-таки написать что-то свое. Это в конце концов изменило содержание моей кандидатской диссертации

и даже вообще мою специализацию. Тем не менее я был влюблен в Псковскую область. Это потрясающее место. Ландшафт исключительный по красоте. Я всегда слышу, что какой замечательный Валдай, но потом, когда я приехал уже на Валдай, я увидел, что Валдай не может сравниться с Судомской возвышенностью.

Т.Г.: В пользу не Валдая, конечно.

Э.Ф.: В пользу не Валдая. А там просто исключительное место, ландшафт такой. Я весь его прошагал два раза пешком. Один раз один вообще. Кстати, норму в тридцать-сорок километров тогда я выполнял. Шел пешком с рюкзаком. На второй год я взял с собой трех герценовских студенток. Они на практику со мной ходили. Вот тогда мы уже и ямы почвенные рыли. Все-таки что-то еще делали. Кроме того, моя сестра увязалась. Она была свободна на каникулах. Она тоже часть времени провела с нами.

Т.Г.: Которая?

Э.Ф.: Которая в Берлине, старшая. Которая поэтесса. Она в политехническом тогда училась институте, у нее были каникулы. Ну и я думаю, что моя жена очень приветствовала ее там присутствие. Хотя вообще она меня никогда не ревновала, но на всякий случай (*смеется*). Но она часть только времени с нами провела. Вот один год сам, другой год с ними. Мы все-таки хорошие составили отчеты, материалы собрали, и была публикация. Дело в том, что Анатолий Викторович готовил целые серии. Была сделана в свое время — и по результатам наших практик — прекрасная книга по Ленинградской области. Материалы собирали на практиках студенты, в том числе и мы, и Елена Яковлевна, кстати. Только по другому району, Новоладожскому. Прекрасная была книжка Даринский и Биркенгоф про Ленинградскую область. Великолепная книжка была сделана. То же самое он взялся сделать для Псковской области. И тоже мои материалы там использовались. Они опубликованы в книжке «Природа Псковской области».

Т.Г.: Но со ссылкой на вас?

Э.Ф.: Там авторство, не ссылка. Но дело в том, что делалось это уже позже, там кое-что изменилось. Поэтому за меня дописывали еще: был такой хороший почвовед Маляревский. Он стал соавтором, потому что я-то уже был в Саратове.

Т.Г.: Как называется эта книжка?

Э.Ф.: Псковская область, могу показать. «Природа Псковской области». Там по районам дана была такая характеристика, у меня были Дедовичский и Дновский районы. Это крайний северо-восток области.

Т.Г.: Это в каком году она была издана?

Э.Ф.: Издана она была позже, когда я уже в Саратове работал, в 60-х годах. Ее долго почему-то делали.

Т.Г.: Но раньше все книги писались долго и тщательно.

Э.Ф.: Но эта замечательная была. Во всяком случае, когда отмечался какой-нибудь мой очередной юбилей, уже старого человека, деканом факультета был Слинчак. Он послал приветствие «певцу Судомской возвышенности». Ну, я же вам и рассказывал, что я публиковал о Судомской возвышенности материал в «Географии» и получил комплимент от Роготень. Вы мне тогда объяснили, кто она такая. На всех произвел впечатление этот мой текст. Я действительно влюблен в эту территорию. Еще позже из Саратова я студентов провел через Судомскую возвышенность, тоже пешком во время практики.

Я не говорю о том, насколько прекрасен сам Псков. Он мне понравился даже гораздо больше, чем Новгород, который я видел позже. Потому что я его видел более натуральным. Новгород я уже видел, когда он был восстановлен, а это все-таки новоделы были. В Псков я приезжал, там еще ничего не было, то есть все как было. Сейчас перестроили все, и стало непохоже даже. А я видел Псков такой, какой он был, вышел из войны. Замечательный. Не говоря о том, что там же Пушкинские горы, там же столько замечательных мест. Я потом увозил туда свою семью, жену, сына тоже. Мы прекрасно проводили

там время.

Г.Т.: Помните, как мы с вами поднимались на стену?

Э.Ф.: А! Ну, это уже было гораздо позже, мероприятия были. Вот было такое. С Олей Балабейкиной было.

Т.Г.: И Василий Львович Мартынов был, целая компания.

Э.Ф.: Но он же в Пскове и работал. Замечательные места, я очень люблю Псков. Но сейчас уже лишен возможности туда поехать. Хотя они часто проводят очень интересные конференции. Раньше я ездил, теперь уже не могу.

Таким образом, хотя задача не была выполнена, материал для такой диссертации собрать не удалось, которую действительно можно было защищать, но зато обнаружилось, что у меня накопилось огромное количество информации по истории географического детерминизма. И Андрей Львович, так сказать, благословил меня: «Ладно, меняй». Это тоже очень интересно, тут очень много самостоятельности в анализе всего этого. Так вот я закончил аспирантуру.

Жизнь и работа в Саратове

Когда стал вопрос, куда устраиваться, то Григорий Соломонович Невельштейн сказал: «Устраивайся в Ленгипрогор, — или нет, в Леноблпроект, есть Гипрогор, а есть Леноблпроект, — у тебя подготовка хорошая, будешь заниматься». Я даже подал заявление, но потом по указанным причинам пришлось отказаться от этого. Но жена — очень проницательная женщина, она говорит: «Слушай, ты же не сможешь сидеть от сих до сих по восемь часов в день. Ты же привык все-таки к вольному образу жизни, и будучи учителем, и будучи аспирантом. Как ты будешь сидеть там в этом проекте? Это не для тебя работа». Она правильно совершенно, точно ценила это. Я люблю работать с людьми, я люблю работать в особом режиме, так сказать, а не от звонка до звонка. Конторская меня не удовлетворяет работа. Это была тоже одна из причин.

Вот в это время вдруг обнаружилась вакансия в Саратове. Из Москвы пришла информация, что в Саратове нужен человек. Причем, желательно мужчина. Там были соискатели еще и женщины. А тут узнали, что мужчина, сказали: «Давай-давай, приезжай». И мы приняли решение поехать в Саратов. В расчете, что там мы получим какое-то жилье. Вот так закончилась наша аспирантская жизнь трехлетняя. И мы поехали летом 60-го года в Саратов.

Т.Г.: Так, теперь будет саратовский этап.

Э.Ф.: В Саратов мы прибыли в конце августа 60-го года. Меня, когда я явился в ректорат, отправили опять же в общежитие временно, в ожидании приезда начальства. Мы прожили, тогда эта улица называлась Кутякова, в общежитии студенческом несколько дней. Познакомились с городом немножко, походили. Он нам показался страшно захолустным тогда по сравнению с Ленинградом. Но что поделать, сами выбирали. Само здание университета построено незадолго до революции, превосходное было.

Был издан приказ о моем зачислении на кафедру экономической географии. Дело в том, что когда оформлялось мое заявление, то вызывало сомнение, что я кончил аспирантуру по кафедре физической географии, а прошусь на экономическую географию. Но решили, что ничего, можно. Все равно география. Издали приказ, что меня назначают ассистентом, хотя должность была старшего преподавателя. Потом прошло несколько дней, явился сам ректор и своей рукой исправил. Меня зачислили все-таки старшим преподавателем, потому что я был без степени, диссертация еще не была защищена, и назначили на кафедру экономической географии.

Мое появление в Саратове было неслучайным. В Саратове обстановка на географическом факультете была очень неприятная, и она привела к тому, что некоторых людей уволили по разным причинам. Я пришел на освободившееся место человека, с которым потом познакомился, это был очень хороший

географ. К сожалению, он начинал свою молодую жизнь меньшевиком. За это он всю жизнь расплачивался. Его даже выслали в Сталинабад, но потом вернули в Саратов, и он работал. Он был прекрасный африканист.

Т.Г.: Как его фамилия?

Э.Ф.: Гольц. Я потом с ним познакомился. Он меня инструктировал, как работать. Вот освободилась поэтому вакансия, и пригласили меня. Там была новая совершенно заведующая кафедрой. Поскольку старого освободили от этой должности, то пригласили из Черновцов, она в Черновицком университете работала, Елизавета Всеволодовна Миронова. Роскошная совершенно женщина. Она 20-го года, еще сорока не было. Просто выдающаяся дама такая, с девичьей фамилией Петен. Она по отцу дальняя родственница известного французского маршала, ни больше ни меньше. Она оказалась очень хорошей заведующей. Тогда она была кандидатом наук. Ей приходилось работать с тем коллективом, который достался от предшественника. Она это делала очень тактично и умело, довольно долго руководила кафедрой. Очень хорошо относилась ко мне.

Мне поручили несколько дисциплин. Во-первых, то, что я очень любил, — это «Введение в экономическую географию». Это такой в общем-то теоретический курс, и я с удовольствием за него взялся. Во-вторых, мне предложили читать Африку, географию Африки, и еще экономическую географию Африки. Я стал возражать, говорил: «Позвольте, с какой стати я буду преподавать про Африку. Я, давайте, по Чуковскому буду: в Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы. Я же должен сначала изучить Африку, для того, чтобы иметь право преподавать ее географию».

Т.Г.: Желательно экспедиционным методом.

Э.Ф.: Хотя бы по литературе, которой тогда почти не было по Африке. Но тут парторг нашего факультета Василий Иванович Воейков сказал, что это же год освобождения Африки, 60-й, и этот курс политический. Его очень хорошо передразнивал мой сын, который у него тоже учился потом. Курс политический, и обязательно нужно его проводить. Пришлось мне читать курс Африки. Нужно сказать, что в конечном счете я освоил какой-то минимум материала, который позволял мне прилично выглядеть перед студентами. Но я консультировался, в Ленинград ездил к знаменитому африканисту Ольдерогге. Выдающийся ученый-африканист. Затем я много позаимствовал от того человека, которого заменили, — Гольца. Ему было всего шестьдесят лет, убрали как под пенсионный возраст. Гольц мне многое подсказал. И в общем студенты даже не замечали, что я вовсе никакой не африканист, и курс шел несколько лет.

” У нас хорошая была лаборантка, картограф. Она мне делала карты, потому что карт не было никаких. Мы делали карты такие самодельные.

Т.Г.: Самодельные это как, на ватмане вы делали?

Э.Ф.: Да, на ватмане.

Т.Г.: Потому что не было же компьютерной техники, конечно же.

Э.Ф.: На ватмане. Она была первоклассный картограф. Она работала на Омской картографической фабрике до этого.

Т.Г.: То есть это тушью на ватмане? Цветные карты?

Э.Ф.: Да-да. Цветные карты. Великолепно она мне делала. Я нахожу какой-то источник, вот карту Ганы, она мне делает карту Ганы. Хочешь, она еще что-то делает. Замечательная такая лаборантка наша.

С «Введением» было все очень прилично, там с удовольствием первокурсники меня слушали. Вот это были две основные мои дисциплины. Кроме того, потом возникла экономическая география СССР.

Вот этот мой курс — тоже коронка, так сказать. Это то, что я знал, любил и понимал. Вот эти три были основными моими курсами, и все они шли довольно прилично.

Студенты почти моего возраста опять же. Мне в 60-м году шел двадцать восьмой год, а среди них было двадцатилетних довольно много, поскольку не первый курс. Если первый курс, они моложе, а старшие курсы... Так что тоже был лаг не очень большой. Некоторые были даже почти моего возраста, те, которые попозже поступили. В основном, конечно, девчата были на геофаке, мальчиков было сравнительно мало, но в целом мы с ними очень быстро поладили и получали взаимное удовольствие от работы с нашими курсами. Все остальные преподаватели были значительно старше меня. По моим тогдашним понятиям просто уже старые. Это я теперь понимаю, что это было не так. Все изменяется, конечно, в возрастных характеристиках.

Так постепенно я стал приживаться. К сожалению, и здесь вопрос жилищный не был решен. Меня запихнули в общежитие студенческое и в этом общежитии нам выделили на третьем этаже комнатку. Вот в этой комнатке мы жили. Мы с женой и сын наш. Это было, с одной стороны, очень неудобно, потому что в туалет идешь на глазах всех студентов. Отдельный там туалет в конце коридора. Если жена готовит что-нибудь на кухне студенческой, варит, допустим, куриный бульон, то иногда приходили и видели: бульон-то был, а курицы не было. Кто-то из студентов позаимствовал. Но в целом все-таки было, я бы сказал, больше преимуществ. Дело в том, что жена работала, она преподавала в школе географию. Я много работал в университете на факультете. А сын наш ходил в детский сад, но в детский сад же он ограниченное время ходил. Потом можно было привести его домой, и мы могли заниматься своими делами или даже уходить куда-то, вечерние были занятия. Да, я еще читал методику преподавания. Это от Анатолия Викторовича уже точно заимствовал, там все было как надо. И вот наш сын бродил по коридорам, и девочки особенно, все зазывали его к себе.

Он блестяще знал географическую карту. Ему было всего четыре года, потом немножко больше стало, пять. У него же оба родителя географы. И вот он брал карты, раскладывал на полу и смотрел контуры государств. Память у него была наследственная вот такая, и потом сказали, что это еще следствие диатеза, что диатез помогает. Совершенно феноменальная память. И он запоминал все контуры государств, поэтому он учился читать по картам. Вот он, например, хорошо знал, что эта страна Чили. Это я ему сказал. Он запоминает сразу и после этого смотрит. Это первая буква значит «ч», вот это «ч», дальше «и», дальше «эль». Он по карте выучил весь алфавит. Это фантастика! Потом я прочитал хорошего писателя Розена, который пишет, что он в детстве, но еще во время Первой мировой войны, тоже выучился читать по картам. То есть обратным порядком. Кроме того, он очень увлекался футболом. Но у нас тогда телевизора не было, было радио. Только слушать. И он знал название всех команд европейских во Франции, в Англии, в Германии, в Голландии. С названиями городов. Поэтому он знал все эти города. И вот девочки звали его к себе в комнату, и он им объяснял, где какой город и где какая страна. Их обучал географии к взаимному удовольствию. Он был доволен, и мы были довольны, что он был занят и всегда под защитой был. Мы даже комнату не запирали свою, чтоб сын мог ходить. Но у нас ничего и не было. Мы были чистыми пролетариями. У нас никаких вещей не было. Кроме книг опять же.

Т.Г.: Здоровье-то наладилось у сына?

Э.Ф.: Да. Там сухо было. Никаких приступов астмы у него больше не было. Это был колоссальный выигрыш. Вот такими были наши бытовые условия. Они оставались довольно сложными, но все равно это было лучше, чем жить в Ленинграде в комнате. Это не вызывало сомнений, что гораздо лучше. Нам обещали квартиру в конце концов, и уже к излету нашего пребывания в Саратове таки дали квартиру. Но это был уже конец 60-х годов. То есть мы основную часть своей молодой жизни прожили в студенческом общежитии.

Т.Г.: В этом мы с вами похожи, Эрнест Львович.

Э.Ф.: В некотором отношении это было опять же удобно, потому что студенты все ко мне приходили в комнату. Чем, конечно, немножко нервировали мою жену. Они ходили как к себе домой. Я помню, она как-то говорит... Особенно был хороший такой парень, очень толковый, Любецкий, я помню,

его фамилия. Он очень часто заходил ко мне, ему просто нравилась сама обстановка семейная, не только наука. Студенты чувствовали, что у нас хорошая семья, и им было приятно. И вот она говорит: «Если он еще раз постучит, я ударю его по голове». В этот момент раздался стук, и он появляется. Ну, мы стали хохотать, он так удивился. Я ему говорю: «Вам сейчас должны дать по голове...» Но это ничуть не мешало, они все равно ко мне приходили. Очень славные ребята были, их немного было. Они тоже очень равнялись на нашу семью.

Т.Г.: Это удивительно, но на самом деле даже я сталкивалась с тем, что вас помнили очень долго в Саратове. Мне кажется, я вам рассказывала ситуацию, когда, будучи в лагере с немцами на черноморском побережье Кавказа, я встретилась с девочкой, которая случайным образом узнала, что мы с вами знакомы, и стала очень бурно реагировать и говорить: «Мама так много рассказывала про Эрнеста Львовича, вы пожалуйста, передайте ему привет». К сожалению, я...

Э.Ф.: Какая мама?

Т.Г.: Мама этой девочки, которая у вас училась в Саратове. И я в других местах встречала людей, которые вас вспоминали очень тепло, Эрнест Львович.

Э.Ф.: Потому что я особенно понимал, что им нравилась семья. Они же пришли из семей же, и их остро не хватало. Поэтому они использовали это обстоятельство. Студенты заходили к нам.

Т.Г.: Нет, я думаю, что не только поэтому. Вот у нас в педуниверситете в Оренбурге работал человек, который у вас учился. Он вспоминал о вас именно как о географе, как об очень эрудированном знающем человеке. Это совершенно точно, я свидетель.

Э.Ф.: Знаете, бывают очень эрудированные и знающие, а студенты их не воспринимают. Они не чувствуют вот этого отношения, которое я усвоил.

Т.Г.: Вы вкладывали душу.

Э.Ф.: Да. Это я усвоил от своих учителей, от Анатолия Викторовича. Что одно дело — твои преподавательские качества, другое дело — твои человеческие качества. А студентам легче усвоить человеческую сторону дела. Тем более, они же все-таки действительно оторваны от семьи были. Им очень нравилось общение с моей семьей. Только мы уже где-то в 68-м — 69-м году мы получили хорошую двухкомнатную квартиру на окраине города. Там мы уже чувствовали себя вообще крезами. Так шла эта наша преподавательская работа.

Выездные студенческие практики

Кроме преподавательской работы, которая была в самом учебном процессе, у нас еще были великолепные практики выездные. Начиная с 61-го года я возил студентов по разным регионам Советского Союза. Государство не жалело на это денег тогда: нам оплачивали проезд, оплачивали пятьдесят копеек суточных. Гроши, уже по новым ценам после 61-го года это было эквивалентно в десять раз больше, пятьдесят копеек суточные были. В общем создавались возможности для того, чтобы показать нашим будущим учителям географии, а мы все-таки готовили в основном учителей географии по нашей кафедре. Там была еще кафедра геоморфологии, на которой учился мой сын. Те по-настоящему проходили практику где-нибудь на Чукотке или в Якутии в геологических партиях как геоморфологи. Блестящие были практики, сын очень много набрал как геоморфолог, работая на Чукотке два года. А наши остальные экономикогеографы, физикогеографы в основном работали в школе. Все равно.

Методика была поставлена очень прилично, очень хорошо была поставлена педагогика. Курс педагогики читал Николай Николаевич Студенцов. Замечательный совершенно мастер своего дела. Он рассказывал, что в 30-е годы понял, что юристом быть невозможно и переквалифицировался в учителя географии. Здесь он был очень известен еще и тем, что написал «Занимательную географию». Я эту книжку прочитал еще мальчиком, а потом, когда увидел живого Николая Николаевича, был совершенно потрясен,

что познакомился с автором. Потом мы с ним очень дружили несмотря на колоссальную разницу в возрасте, он 900-го года рождения. Он очень хорошо со мной общался и попросил дополнить его устаревшую уже книжку. Мы сделали два очень хороших издания «Занимательной географии». Эти издания переводились на многие языки. Скажем, на молдавский, на литовский. Там мы фигурировали как Студенцовас и Файбусовичус.

Т.Г.: Правильно (*смеется*).

Э.Ф.: Очень многие люди мне потом говорили, что их притяжение к географии возникло на базе этой очень хорошей книжки. Это было очень тесное хорошее сотрудничество такое. Оно обеспечило очень хорошую еще и педпрактику наших студентов. Мы выбирали школы, где работали блестящие учителя. И мне как молодому все-таки еще было очень интересно с ними работать. Мы работали с ребятами в школе-интернате, в разных школах города. Всегда это была интересная, полезная и очень хорошая работа, потому что учителей мы выбирали не лишь бы каких, а действительно лучших учителей. Сейчас много говорят о том, что это учителя очень плохие. Я не могу пожаловаться на тех учителей, с которыми мы проходили практику. Очень интересные внеклассные мероприятия проводили.

Связи действительно сохраняются надолго. Вот Ольга Николаевна — это моя бывшая студентка и дипломница. Потом я ее обнаружил в Ленинграде, она вышла сюда замуж и оказалась в библиотеке нашего института. Мы восстановили отношения. Со мной некоторые переписывались, продолжают до сих пор переписываться. Некоторые из них уже ушли из жизни. Большинство уже тоже далеко за пенсионный возраст.

Т.Г.: Вы, Эрнест Львович, умеете дружить потому что. Вы всегда помогаете людям. Я знаю это по себе.

Э.Ф.: Я не задумываюсь о том, что это что-то необычное.

Т.Г.: Конечно, вы делаете это совершенно искренне, и люди к вам тянутся.

Э.Ф.: В общем, хороший принцип. И вот я могу только назвать маршруты наших путешествий. Первое путешествие мы совершили из Саратова через Астрахань, потом мы доехали поездом уже из Астрахани до Орджоникидзе, нынешний Владикавказ. Потом переехали через Крестовый перевал и ездили там в окрестностях Тбилиси. Потом уехали в Батуми и из Батуми уже поехали домой. Это была первая практика, когда я один вел огромную команду в двадцать девчат. Одна, правда, была уже замужем, с мужем. Но муж занимался только своей молодой женой, а все остальные были...

Т.Г.: Достались вам.

Э.Ф.: Достались мне. Это было не очень хорошо, особенно в Грузии.

Т.Г.: Да, я понимаю.

Э.Ф.: Особенно в Грузии. Удержать эту всю команду грузин, армян и прочих восхищающихся красотами наших студенток...

Т.Г.: Поклонников, да.

Э.Ф.: Это было очень сложно, но я справился, справился один. На следующий год мы поехали в противоположную сторону на Алтай. Сначала мы мимо Оренбурга, кстати, проехали. И там потерялась у меня три девочки. Ушли во время стоянки на вокзал. Там расписание поезда немножко опаздывало. В общем, поехал он раньше, чем они ожидали. Потом им пришлось догонять нас. Они нас в Челябинске догнали. Мы были в Челябинске, мы были в Миассе, а потом мы уехали в Новосибирск. После Новосибирска мы поехали в Бийск и на Телецкое озеро. Совершенно великолепная была практика.

Вот у меня есть одна из тогдашних путешественниц Ира Полубоярова. Она вышла потом замуж, стала Карлович, сейчас они живут во Владимире. Муж ее геолог, он заведует там кафедрой, а она вроде бы до сих пор работает, хотя она уже очень пожилая женщина. Представляет, если она закончила в 63-м году наш университет. Стала замечательным совершенно педагогом там у себя в Душанбе, где она жила.

Просто оправдала все ожидания. На педпрактике уже было видно, что она очень талантливый педагог. Так что с такими выпускниками я поддерживаю с того времени отношения. Потом стало ясно, что одному нельзя везти группу, потому что должен быть какой-то перехват. И начиная со второй поездки, с 62-го года, мы уже по двое всегда руководили группой.

Т.Г.: Потом, когда я работала, запрещали по одному ехать. Инструкции очень серьезные, да.

Э.Ф.: В том же Тбилиси у меня была катастрофа, у меня две девочки вообще потерялись.

Т.Г.: Угу, и что, они нашлись?

Э.Ф.: Не две, одна потерялась, но потом ее все-таки нашли. Страшно было ужасно. Ее увел ухажер.

Т.Г.: Ну, наверное, сама ушла?

Э.Ф.: Нет. Но там так получилось. Не знаю, стоит ли рассказывать. Я повел их на фуникулер, чтобы подняться наверх и сверху посмотреть на город. Я только повел, стал объяснять, рассказывать и смотрю: моих девочек не видно. Они растворились в массе кавказских личностей. Я понял, что продолжать это невозможно, говорю: «Девочки, за мной». Они у меня были очень дисциплинированы. Мы сели на другой фуникулер, там один новый, а другой старый. Вот мы оторвались от преследователей. Сели на этот фуникулер и поехали вниз, но человек с десяток этих преследователей все равно с нами увязались. Вылезли из фуникулера, я говорю: «Вон, девочки, автобус. Марш все на автобус». В общем оторвались, человека два осталось. Ну, думаю, с двумя-то я уж как-нибудь справлюсь. Увез. А потом выяснилось, что успела одна девушка познакомиться с очень, действительно, симпатичным грузинским мальчиком-студентом. Он пригласил ее на следующий день, сказал, что сводит ее все-таки, покажет все там, что мы не успели посмотреть. Вечером я ушел в кино, поскольку все старосты доложили, что все на месте. Посмотрел кино, а стояла жаркая-жаркая погода. А потом, когда я вышел из кино, — вдруг ураганный ветер. Совершенно стал срывать чуть ли не провода. Там рядом кинотеатр был с общежитием, в котором мы жили. Я забежал туда, и вдруг мне говорят: «Проверьте, все ли у вас?» Я вызываю старосту, говорю: «Пожалуйста, скажите, все ли у нас?» Она говорит: «Вы знаете, троих нет». А рядом с нами студенты были еще из Минска, из Белорусского университета. Тех тоже проверили милиционеры, и те сказали, что у них все на месте. Потом выяснилось, что именно у них-то никого и не было почти. А мы честные люди, мы сказали, что троих нет. В это время две девочки врываются. Я спрашиваю: «Где вы были?» — «А мы тоже после вас были в кино». Ну ладно, слава богу. А одной нет и нет. И вот мне начальник, комендант общежития говорит: «Вот ваша...»

Т.Г.: Понятно.

Э.Ф.: Нехорошими словами. Вот наши юноши соблазняют. И в этот момент появляются эти, он и она. Ну, знаете, девушки чуть не разорвали их в клочья. Она все-таки осталась жива. Оказывается, они залезть-то залезли на гору, а из-за урагана фуникулеры не работали.

Т.Г.: Пешком.

Э.Ф.: Он пешком довел до такси и дальше уже на такси привез. Но я говорю: «Я вашему ректору напишу, что вы негодяй». Он говорит: «Да не надо, честное слово, я ее не тронул, ничего, просто застряли». Действительно застряли. Вот такое приходилось переживать. Поэтому стали мы дублировать, и уже все остальные мои коллеги по очереди со мной тоже ехали. Обычно разрабатывал всю эту технологию я, а дальше уже мы делились.

Т.Г.: Эрнест Львович, мне кажется, стоит все-таки пояснить, чтобы не сложилось такого впечатления у слушателей, что практики — это не просто туристические развлекательные поездки, а это серьезная работа.

Э.Ф.: Нет, конечно. Кроме всего прочего у них же были задания. Мы же посещали промышленные предприятия. Например, хотя бы в одном только Челябинске мы посетили Челябинский металлургический завод. Целый день ушел на гигантский завод. Они же писали отчеты о том, что они видят. Конечно,

это были не прогулочки. Что вы, о чем говорить?

Т.Г.: И маршрутные листы составляли, и описания различные были. Применялась целая система полевых методов. Это было очень полезно. И почему так далеко ездили, мне тоже кажется, что это важно, потому что даже в стандартах было прописано, что практика дальняя. Она так и называлась, предполагала изучение района, по природным и экономическим условиям не похожего на район проживания.

Э.Ф.: И мы старались еще, чтобы они видели такие примечательные объекты природы. Скажем, то же Телецкое озеро. Это же совершеннейший восторг был. Промышленные предприятия или даже сельскохозяйственные предприятия. Это, конечно, была совсем не прогулка.

Т.Г.: И без таких практик качественная подготовка географа практически невозможна.

Э.Ф.: Конечно. Нельзя только по книжкам все учить. Ну, были у нас поездки такие в Прибалтику, когда мы ехали как раз до Пскова. Вернее, даже вылезали раньше. Не в Пскове, а в Дно. Затем мы переходили через возвышенность ту самую Судомскую, а затем уже попадали в Псков и из Пскова в Таллин. Это был поразительный контраст. Древний русский не важно выглядевший, прямо говорить, Псков тогда, исключая исторические памятники, и Таллин. Это же была практически граница.

Т.Г.: Да. Сказочный город.

Э.Ф.: Сказочный город. Заграничный. Он же сохранял еще тогда стиль заграничный. Это колоссальное впечатление произвело на наших студентов. Потом мы еще и закончили Ленинградом. Возил я их и на север. Маршрут такой, значит. Были в Архангельске с его окрестностями, потом мы ехали на Соловки. Вот такие мы были молодцы. Поездом ехали до Кеми, там корабликом в Соловки.

Т.Г.: Очень хороший маршрут.

Э.Ф.: Потом привезли их в Апатиты, в Кировск. Это вообще они ошалели совершенно. Потому что они увидели настоящие белые ночи. Они спать не могли, потому что, что такое делается, ночь. Я требую, чтобы они отдыхали, спали. Они не могут. Вы знаете, это сказочно для них было. Они же южане, они никогда не видели клюквы в глаза, кроме как на рынке в продаже. А тут она растет прям. Потом мы были в Мурманске, из Мурманска поехали в Петрозаводск и в Кижы.

Т.Г.: Отлично.

Э.Ф.: Это феноменально. Это мы здорово напутешествовались. Студенты очень любили эти наши поездки, очень ценили саму возможность. Можно продолжать и другие маршруты. Очень хорошая была наша поездка на Украину. Мы видели Донбасс. Тот самый Донбасс, который сейчас в огне. Какое это было богатство по сравнению с Саратовом!

Т.Г.: Конечно.

Э.Ф.: Что вы, Украина процветала тогда.

Т.Г.: Это было заметно.

Э.Ф.: Вот люди, скажем, из Ростова ездили за колбасами, за всем в Донбасс, потому что Донбасс был богатый. Цветущий город Донецк, несмотря на шахты. Понимаете? Это же было совершенно великолепное место. Мы там смотрели тоже металлургический завод, но в шахту нас категорически отказались спустить. Мы уже привыкли, когда мы, например, были раньше — при поездке в Челябинск мы ездили в Копейск, — и в Копейске нас спускали в шахты, получили все большое удовольствие. Когда были в другой поездке в Караганде, нас тоже пустили в шахты, там нормально. А в Донбассе: «Что вы, да мы за вас отвечаем. У нас постоянно бедствия всякие, аварии, даже близко не подходите, не думайте». Завели просто в учебную такую искусственную шахту и показали. Там нам не повезло.

Кстати говоря, я должен сказать, что студенты интересно реагировали. Вот наши девочки все вместе, когда еще первая поездка как раз, мы были в Тбилиси, и я им показал в Рустави металлургический завод.

Они пришли в полный восторг. А там фабрика шерстяных тканей. Думаю, для девочек это гораздо интересней. Ни малейшего интереса не проявили. После феерического металлургического завода как-то не так уж это интересно кажется.

Еще замечательно было — к вопросу о любви к винам, — мы пошли на Тбилисский винзавод №1. Это был один из лучших советских заводов. Там стояли огромные, я бы не сказал баки, это как целые такие дома. Там вино, вино. Главный инженер-технолог, который нас сопровождал, сказал, что вот вам стаканчики, мы будем открывать краник, будете пить вино. Вино Киндзмараули. Девочки пожеманились так, им не очень это было интересно. Я попробовал — совершеннейшая сказка! А я перед этим покупал в магазине Киндзмараули — совершенно другое. Я спрашиваю: «В чем дело, что-то фальсифицированное было?» — «Да нет, что вы. Оно в магазине, там жара. Не хранят так вино. А у меня, вот видите, оно прямо выливается из бака». Поэтому вкус совершенно потрясающий. Более вкусного вина я никогда не пил. Так что видите, у них разносторонние знания были получены об экономике Грузии. Вот так.

На Украине было интересно. Мы дважды возили по Украине. Достаточно хорошо вспомнили Донбасс. Потом были в Днепропетровске, были в Запорожье. Запорожье производило очень сильное впечатление. Это был уже советский коммунистический город. Здорово отстроенный и очень хорошо выглядевший тогда. Ходили на завод автомобильный. Все как положено, все ходили. Потом были в Одессе, во Львове и потом в Киеве. И представьте, что дало наибольший эффект, — Львов. Дело в том, что и Киев и все — это советские города.

Т.Г.: Западный, да.

Э.Ф.: А Львов — это еще не советский тогда был. Они совершенно тоже ошалели от восторга от Львова. Тем более, что мы выезжали за пределы. Выезжали в Карпаты тогда. В частности, в Трускавец выезжали на курорт. Киев проигрывал Львову, потому что Киев за небольшим историческим центром — все остальное это советский город. Очень хороший, очень удобный, очень сытный, но тем не менее понятный. А это совершеннейший был восторг от Львова. И я тоже до сих пор вспоминаю. Я даже тогда сказал, что надо было сделать столицей Белоруссии Львов, а не Минск. Минск тоже ведь советский город, менее интересный. Была вот такая у нас интересная поездка. Мы ездили в Смоленск, потом в Минск. Потом великолепные шахты калийные в Солигорске. Это вообще сказка, это лучше, чем московское метро. И в Бресте, в Брестской крепости. Потом в Вильнюсе, в Калининграде. Вот такие у нас замашки. Много ездили. В Прибалтику еще раз съездили — в Ригу и в Таллин.

Дальше я, к сожалению, не возил, чем вот Алтай, на восток. А потом уже другие наши преподаватели возили уже и до Байкала даже. Нам разрешали даже такие поездки. Интересные поездки были в русские города. Скажем, Ярославль во время одной из поездок мы смотрели, Вологду. То есть такие провинциальные тоже города смотрели наши студенты с большим интересом и с большой пользой для себя. Они всегда вспоминают наши поездки. Фотографии есть, там мы снимаем, все это есть. Я писал об этом даже статьи, делал доклады. Меня приглашали в институт в Москву. К Библик туда я ездил, выступали там. Я выступал с докладом о пользе наших поездок. Этим был колоссально расширен и мой собственный кругозор. Тем более, я сам выбирал.

Прекрасные были поездки на Урале: мы видели Свердловск, Пермь, потом Кунгур. Потом из Перми мы плыли по Каме и по Волге. Там стоянки длительные, поэтому мы видели заодно и Ульяновск, и Самару. Все очень хорошо было, интересно. Очень впечатляюще. И очень пополнило мои географические знания тоже.

Т.Г.: Не вели подсчет посещенным городам?

Э.Ф.: У меня есть полный список. Честно говоря, я уступал двум людям, которые тоже занимались таким коллекционированием. Это Олег Петрович Литовка и Анатолий Иванович Чистобаев. Дело в том, что они оба были начальниками. Как начальники они могли себе эти командировки писать куда угодно. А я же все-таки начальником не был, поэтому я им проигрывал.

Т.Г.: Анатолий Иванович мне недавно сознался, что он из своего списка двести городов вычеркнул.

Существует некая соревновательность в этом вопросе среди географов, и введены были критерии, какие города считать посещенными. Потому не каждый город, через который ты проехал, следует считать посещенным.

Э.Ф.: Нет. Проехал на поезде — нет. Тем не менее я мог несколько часов пробыть в городе, я уже считал, что был в нём.

Т.Г.: Анатолий Иванович к критериям относил: посетить достопримечательность, хотя бы одну, поесть или раньше по молодости, как он говорит, попить пива. Ну и еще некоторые критерии.

Э.Ф.: Надо помочиться в общественном туалете.

Т.Г.: Да-да. Анатолий Иванович то же самое делал. Потом он сказал, что провел более честные подсчеты. Мне кажется, он насчитывал что-то более восьмисот городов. И сказал, что где-то двести он из списка убрал.

Э.Ф.: Нет, все равно он много видел, что там говорить. А я даже если несколько часов был... Например, мы с Еленой Яковлевной уже в 91-м году, во время путча, отдыхали на юге Ленинградской области на турбазе. Мы поехали в Печоры и смотрели там монастырь, все. Конечно, я записал как посещенный. Хотя там мы были, я не знаю, часа два наша экскурсия была.

Т.Г.: А Вячеслав Леонидович Бабурин считает, что если не переночевать, то не посетил значит.

Э.Ф.: Нет, это неправильно. Раз у меня образ города остался, значит я его посетил.

Т.Г.: Опять же, я, например, в Дели ночевала в аэропорту, но я не считаю, что я посетила.

Э.Ф.: Нет, в аэропорту нет. Скажем, я в аэропорту был, когда мы летели из Якутска, допустим, в том же Красноярске и в Омске, но я не считал, что я их посетил. Потом, когда я бывал там уже в командировках, там уже я мог считать.

Кстати одна из интересных еще поездок была, я тоже вспоминаю с удовольствием, — это поездка в Среднюю Азию. Как раз Елизавета Всеволодовна возглавляла нашу экспедицию, сама заведующая кафедрой. А кроме того даже еще двух преподавателей взяли, большая была очень группа. Мы приехали в Ташкент, побывали в Ташкенте. Где же мы еще были? Я могу забыть последовательность. В общем, это уже без Елизаветы Всеволодовны, в другой раз было. Мы были опять же по другому маршруту, мы были в Ташкенте и в Душанбе, потом из Чарджоу уже уехали. Вот там были очень интересные всякие события. Все-таки Средняя Азия даже и тогда выглядела не совсем советской, так скажем. Все-таки по-другому там все это было устроено. Дважды я был на Иссык-Куле. Кстати, последняя моя поездка была в 82-м году, тоже мы ехали в Среднюю Азию, попали в Киргизию, объехали вокруг весь Иссык-Куль.

Конечно, воспоминания остались самые замечательные, хотя тоже бывали всякие события. Все кончалось в конце концов благополучно. В частности, в Душанбе мы повели студентов в замечательное такое хозяйство. Как оно называлось тогда, я не помню, там производился виноград для виноделия. Я привез наших девочек, мальчиков почти не было. Нас встретили с таким удовольствием местные работники. Повели на экскурсию по виноградникам. Причем их умоляли: «Девочки, не ешьте, пожалуйста, этот виноград, потому что мы его опрыскиваем, и вы наглотаетесь всякой дряни. Потом после экскурсии мы вам его помоем и дадим столько, сколько съедите». Конечно, девчонки не удержались. Я говорю: «Девочки, но вы поймите. Если вы останетесь с больными желудками, что я с вами буду делать?» Но это же такая красота, грозди висят, замечательно. И действительно, устроили такой дастархан, поставили чай. И тот же виноград, и все остальные фрукты. Хозяйева так восхищались, что наши девочки сюда приехали. Просто полный был восторг. Очень запомнилось это посещение. Вообще замечательные были поездки.

В общем за счет практик наших только я побывал даже не по одному разу в Казахстане, Узбекистане, в Киргизии, в Душанбе только один раз мы были, правда. С практикантами же я был в Грузии, на Украине, в Белоруссии и во всех прибалтийских республиках. Все это было проехано, будем говорить так, со студентами. Только среди союзных республик. Теперь хорошо, это пополнило список посещенных мной

иностранных государств.

Т.Г.: А вы их включаете как иностранные государства?

Э.Ф.: Теперь уже как иностранные.

Т.Г.: Но тогда-то они не были иностранные. Все равно считаете?

Э.Ф.: Нет, это не важно, потому что я в дальнем зарубежье не бывал нигде, кроме Англии, Штатов и Финляндии. Всё.

Т.Г.: Да? Всё? А в Германии не были?

Э.Ф.: Нет. Дважды был в Америке. Один раз у Кати (падчерицы) в Англии, и один раз Василий Львович Мартынов вывез меня в Финляндию. Все. В советское время я не ездил за рубеж.

Т.Г.: Тогда было трудно, практически невозможно.

Э.Ф.: Мне нужно было у кого-то выпрашивать. Нет, почему, Елизавета Всеволодовна ездила очень много. Но мне кому-то опять же нужно доказывать, что я не верблюд и что...

Т.Г.: Ну да, там были всякие собеседования, разрешения.

Э.Ф.: Я не хотел. Это не тот случай, когда нужно было. Поэтому я не хотел и ни разу даже не подавал никакого заявления, ничего. Хотя жена меня уговаривала, я так и не поехал. Мне хватало своей страны.

Районные исследования

Второе, что помогало осваивать территорию. Мы имели еще практики такие, когда вывозили студентов для сбора материалов для курсовых и дипломных работ в какие-то районные центры Саратовской и смежных областей: Пензенской, Волгоградской, Астраханской.

Т.Г.: Для крупномасштабных исследований, получается.

Э.Ф.: Да, это уже масштабные. Это было длительное время их пребывания. Мы старались, кто по одному... Но одному плохо очень. По двое старались, чтобы были в одном пункте. И они длительное время вели там работу. У них была программа и они собирали материал. Кстати, очень неплохой материал по своим этим «выделам». Нужно сказать, что требовалась обязательная инспекция. То есть нужно было проверять, куда мы выслали, скажем, в Волгоградскую область, значит, я должен поехать.

 Кстати, мы тогда завели дружбу с ЦЭНИИ* при Госплане. Они дали нам хоздоговорную работу. И вот мы делали ее с помощью студентов, совмещая с практикой.

* Центральный экономический научно-исследовательский институт при Госплане РСФСР

Они собирали очень хороший материал. Программы были сделаны хорошие, а потом можно было идти проверить. За счет этого я побывал в очень многих районах Саратовской области, где работали мои студенты. Потом в Пензенской области, в Волгоградской области и в Астрахани. Всюду наши студенты работали, и я у них был, поэтому я посетил очень много городов. Ну, все-таки в основном это в городах было, и было очень интересно собирать такой первичный материал.

Один раз, правда, мы оскандалились. Нужно было нам поехать на север Саратовской области, есть такой Базарный Карабулак, районный центр, на границе с Пензенской. Заходим мы в аэропорт. А это был мой товарищ, покойный ныне, Вадим Григорьевич Торопыгин. Большого знатока географии вообще и Саратовской области в частности я не видел. Он обладал феноменальной памятью

и работоспособностью. Правда, он даже кандидатскую диссертацию не мог защитить. Это был самый популярнейший преподаватель среди студентов. Совершенно не важны наши ученые звания и степени. Они по-другому оценивают. Это был преданный делу человек, и он очень все хорошо знал. И вот мы должны были вместе ехать в такую инспекторскую поездку. Потом, мы, правда, разделиться должны были. Должны были ехать в Базарный Карабулак. Для этого надо представлять карту Саратовской области. Базарный Карабулак фактически прямо к северу от Саратова. Мы приходим в аэропорт. Объявляют посадку, проверяют наши билеты один раз. При посадке уже в сам самолет другой раз. Заходим, наши места заняты. Я начинаю говорить: «Что за безобразие, почему продают билеты...»

Т.Г.: Двойные.

Э.Ф.: Двойные. Мне говорят: «Какие двойные? Видите, полсамолета свободны, сядьте на соседнюю лавочку». Ладно, садимся, взлетаем и летим над Волгой. А Волга же идет на северо-восток вверх по течению. А почему мы летим по Волге? Я говорю: «Вадим Григорьевич, куда мы летим?» — «Вы знаете, наверное, им удобно ориентироваться по Волге, потом свернем». Я говорю: «Странный способ полета». Потом вдруг видим внизу пыль, дым. Это Вольск, цементный завод. Я говорю: «Все уж, куда теперь сворачиваем. Граждане, а куда же мы летим?» Вы знаете, весь самолет ржал и хохотал. Они решили, что мы такие шутники, разыгрываем. А я совершенно искренне. Как умудрились эти идиоты дважды проверить наши билеты, чтобы мы сели не в тот самолет?

Т.Г.: Посадили не в тот самолет.

Э.Ф.: Мы прилетели в Балаково, куда летел самолет, а вовсе не в Карабулак. Вылезли из самолета, и что делать дальше? Сели на пароход, поехали в Вольск, ночью поплыли. Потом уже вылезли и там уже автобусом приехали куда надо, в Базарный Карабулак. После чего, когда мы воротились в бухгалтерию со своими билетами, на которые мы потратили деньги, они сказали: «Вы бы еще дальше залетели. Мы не обязаны вам платить за вашу экскурсию». Так что за свой счет. Потом я просто пешком уже, автобус довез меня до Пензенской границы, а через границу автобусы не ходили. Я потопал в Пензенскую область пешочком. Тогда меня это нисколько не смущало. Багажа у меня никакого не было, рюкзачок и все. И уже инспектировал дальше своих студентов, которые в Пензенской области работали. Это давало много полевого материала по всему Нижнему Поволжью.

Кроме того, мы заключали хозяйственный договор с ЦЭНИИ. Мы сделали даже такую целую экспедицию: проехали через север Саратовской области, через Самарскую область, включая Самару, потом Ульяновскую область, там Димитровград и сам Ульяновск. Опять же, у меня была помощница, наша такая девушка, и жена решила, что она поедет тоже со мной. Поэтому в этот же грузовик, который был приспособлен, как видите, я взял и жену, и сына. Так что мы, и семья была, и девочка, моя помощница была.

Т.Г.: Правильно, присматривать за вами нужно, дорогие мужчины.

Э.Ф.: Я вне подозрений.

Т.Г.: Я знаю, Эрнест Львович. Это шутка.

Э.Ф.: Тем не менее такая команда была. Шофер, вот эта девушка, Сачко фамилия ее. Кстати с ней написана общая статья, она очень сильная была наша студентка. Вся семья вместе, нас трое, и каждый получал удовольствие. И вот мы проехали еще и Ульяновскую область. Потом Пензенскую область с посещением массы интересных объектов и через Саратовскую область вернулись обратно. Тоже прекрасный был способ сбора первоначального материала. Все это нашло отражение и в статьях, которые публиковались, и в тех материалах, которые передавали в ЦЭНИИ. Все это работало, как и наше путешествие в Астрахань, дало такие результаты.

Участие в конференциях

Следующая возможность посмотреть — это было участие в разного рода конференциях. Не жалели тогда на наши поездки ничего. И вот я ездил на многие научные конференции. Например, я ездил в Воронеж к Милькову. Это была замечательная поездка. Это один из крупнейших все-таки был географов наших. Ездил в Ленинград и в Москву, в том числе даже на съезд Географического общества. Точнее, не Географического общества, а на международный конгресс. Я был на съезде общества и на конгрессе международном в Москве. Правда, туда я за свой счет ездил.

Т.Г.: Понятно. Там он проходил на русском языке или на английском?

Э.Ф.: Да, на русском. Нет, кто хотел, говорил по-английски, тогда переводили. Остальные говорили по-русски.

Т.Г.: Понятно. Тогда допускалось, сейчас-то вот...

Э.Ф.: Например, я был в Герценовском институте, там иностранцы выступали на английском языке, а мы выступали на русском.

Т.Г.: Вот был ERSA* — конгресс в Санкт-Петербурге, и в прошлом году был МГС — конгресс Международного географического союза в МГУ. Там предполагались доклады только по-английски. Из-за этого многие наши не смогли участвовать.

* The European Regional Science Association (ERSA) – Европейская региональная научная ассоциация

Э.Ф.: А тут с английского переводили. Выступала, допустим, какая-то бразильянка, она говорила что-то якобы по-английски, а переводчица сказала: «Знаете, она думает, что говорит по-английски». Она не могла переводить. Такие тоже были выступающие.

Т.Г.: Несомненно, да.

Э.Ф.: В общем, не жалели денег, и мы участвовали в научных конференциях, в ландшафтных конференциях. В частности, были же замечательные ландшафтные конференции, в том числе в Москве. Великолепная конференция была с участием выдающихся географов, того же Милькова, Анатолия Григорьевича Исаченко, Гвоздецкого. Очень много видных из союзных республик, Раман из Латвии. Очень много украинцев, Геренчук, скажем. Замечательная была конференция, интересно было.

Кстати, я очень много работал в аспирантуре, когда собирал материал, в том числе в архивах, в Московском архиве. Собирал материалы по генеральному межеванию. Потом по писцовым книгам собирал материал и выступил с десятиминутным докладом на этой конференции. Что вот, какой я молодец, какие я материалы для исследований историко-географической проблематики нашел. На следующий день подзывает меня к себе Арманд (старший) и протягивает свою публикацию за год до этого сделанную. Правда, по Центрально-Черноземному району. И без всяких комментариев. Просто так, дарю. Указал, что я, значит, не очень внимательно следил за коллегами.

Т.Г.: В общем да, раньше было сложнее даже следить. Выходили в разных местах и не очень большим тиражом.

Э.Ф.: Тем не менее мне понравился такт, с которым это сделано. Замечательный был, кстати, географ. Это было большое удовольствие — такое участие в таких конгрессах. Конференция была по населению. Сначала в Москве, потом в Перми я был. В Перми была блестящая конференция с участием Покшишевского, скажем, Переведенцева. Очень интересные были доклады, выступления. Я тоже принимал там участие. Слушал Маергойза, которого я не признал. С его местечковым выговором трудно было догадаться, что это великий географ.

Т.Г.: Многие, да, отмечают эту его особенность.

Э.Ф.: Он так и не научился говорить по-русски, а ученый, конечно, был прекрасный.

Т.Г.: Конечно. У него идеи потрясающие.

Э.Ф.: То есть то, что давали нам возможность участвовать в таких мероприятиях, повышало очень уровень и не делало нас провинциальными. Мы держались на приличном уровне как докладчики. И еще была одна кормушка.

Т.Г.: Это действительно была очень важная организация, учитывая, что был тогда информационный голод. Ведь почему провинция отставала от центра? Потому что были недоступны материалы. Это сейчас интернет и можно пользоваться широко, а тогда это было очень сложно. Многие вещи, которыми пользовались москвичи, петербуржцы, для остальной России были просто недоступны.

Командировки от общества «Знание»

Э.Ф.: Действительно, такие контакты были очень полезны. Любопытны были, конечно, наши путешествия по линии общества «Знание». Тогда нам это в сущности вменялось даже в обязанность — участвовать в пропаганде знаний, в том числе географических. После того как защитил диссертацию в 66-м году и стал уже кандидатом наук, меня пригласили к работе в саратовском отделении общества, и я участвовал как руководитель секции наук о Земле. Давали постоянно командировки для поездок. Я очень много выступал в Саратовской области. Это были или промышленные предприятия, на которых я выступал, или собрания учителей, или в каком-нибудь колхозе просто, на какой-нибудь ферме можно было прочитать лекцию. Мы ничем не брезговали. Всюду нас приглашали, всюду мы выступали с географическими темами, они всегда хорошо встречались. Больше того, я выступал в тюрьмах.

Т.Г.: Приглашали?

Э.Ф.: Да-да-да, приглашали.

Т.Г.: Это были специальные мероприятия?

Э.Ф.: Специальное такое мероприятие было, культурно-просветительская работа. Вот меня приглашали в такое учреждение, например, к северу от города Маркс есть населенный пункт, в котором был лагерь, где сидели за аварии автомобильные. Тут уж все были. В том числе бывшие прокуроры, их всех сажали, если они нарушали правила движения и при этом они убили кого-то. То есть эти люди не совсем преступники. У них режим был довольно либеральный. Они даже имели право жить, если приглашали к себе семью. Только являлись днем, так сказать, представляться. Тем не менее их собирали на лекции. И я выступил перед ними... Причем со всей страны были, из Армении, отовсюду такие даватели. Был в настоящей тюрьме в Балашове. Там только к рецидивистам не водят, боятся. А так — пожалуйста. Очень благодарные эти слушатели, потому что приходит свежий человек с воли и рассказывает интересные вещи.

Т.Г.: Вопросы задавали?

Э.Ф.: И вопросы бывали.

Т.Г.: А побеседовать с ними удавалось?

Э.Ф.: Нет, один на один мне не разрешали. Зачем? Но совершенно нормально работал. Я практически даже забывал в какой аудитории читал.... Я уж когда увлекусь, так мне все равно. Прекрасно слушали.

Кроме того, высылали на всякие конференции, которые проводило общество где угодно: в Ленинграде, в Таллине, в Ашхабаде, в Новосибирске, в Свердловске. Всюду проводили эти мероприятия. В сущности можно было и дальше поехать, если хотеть, потому что общество не жалело денег. Общество не жалело денег и посылало со всем комфортом: прилетаешь туда, тебя селят, водят на экскурсию и все. Я очень много городов посетил за счет этого.

Другие поводы для поездок были, когда в Ленинграде работал. Нас приглашали как авторов учебников по географии, которые мы делали под руководством Анатолия Викторовича Даринского. Тогда

мы посещали, уже с Еленой Яковлевной в основном, такие места, куда нас приглашал Институт усовершенствования учителей. Мы так были в Твери, в Кирове. Сам я, не с Еленой Яковлевной, а с другим соавтором, был в Омске. Опять же это все делалось за счет приглашающих. Нам оплачивали дорогу и пребывание там. Мы по такому каналу тоже разъезжали по стране и выступали в данном случае на собраниях учителей по переходу на новые учебники. Таким образом, сидя в Саратове, я очень много куда поездил, очень много получил.

Защита кандидатской диссертации

Вот диссертация все больше откладывалась и откладывалась. Лишь бы что давать не хотелось, а времени все-таки было не так уж много. Я же очень много занимался разнообразными курсами. У меня потом появились новые совершенно курсы — скажем, оценка земель потребовалась уже. Потом мы стали первые проводить практики по туризму. Тогда заря туризма только начиналась, а я (тут могу уж похвастаться) был одним из основателей в сущности этого учения в нашей стране. Дело в том, что я с детства знал, что существуют дачи. Мы выезжали на дачи из Ленинграда. Ну, ближайшие к нам поселения. Точнее говоря, поселочки, чаще всего в деревни какие-то. И я стал обращать внимание на закономерности, которые возникают. Почему, кто и где, когда живет в таких дачных местах. Я не знал слова «рекреационная география», тогда его и не было. Я называл это «дачной географией». Первые мои соображения были основаны в том числе на анализе атласа Маркса. Они были связаны с выяснением таких мест, пригодных для рекреации, что их делало интересными. Поэтому мои первые такие работы, посвященные туризму, появились довольно рано. То, что мы делали с этой самой Сачко, такие работы. Я даже выступал тогда, в командировку меня отправили в Ленинградское географическое общество. И я делал доклад на эту тему, как раз связанный с рекреацией. Опубликованный доклад, еще в бытность мою в Саратове.

Поэтому это все немножко оттягивалось и оттягивалось. На одной конференции в Самаре мы были с Елизаветой Всеволодовной, заведующей кафедрой. К ней очень хорошо относился Саушкин. Она стала говорить, что не худо бы организовать защиту. У нас уже к тому времени был образован совет по защите по географии. Совет возглавлял Валентин Григорьевич Лебедев. Он был заведующим кафедрой геоморфологии и был ректором университета. Он прекрасно вел этот совет. Совет заработал, но нужны были какие-то намеки, что то, что я написал, годится как диссертация. Саушкин говорит: «Давайте присылайте материал, я дам заключение». Он же тогда возглавлял ВАК, ВАКовскую географию. «Тогда все пойдет. Если я скажу, что это годится, то этого будет достаточно». Ладно, мы вернулись с конференции, послали текст. Никакого ответа. Наконец Елизавета Всеволодовна не выдержала и позвонила ему, что я нервничаю. «А, пусть приезжает, пусть приезжает». На следующий день мне выправили командировку. Я поехал. Меня принял Саушкин у себя дома. Он же жил прямо в университете. Пригласил меня. Он успел за сутки практически все прочитать, довольно объемистое сочинение. Сделал там, естественно, какие-то замечания, не без того. Сказал, что в принципе это все проходит, идите и ставьте на защиту. Я, так сказать, не официально, но санкционирую. Я вам пришлю оппонента. Анучина.

Т.Г.: А вот понятно. Логично.

Э.Ф.: Это логично. Хотя они потом поссорились.

Т.Г.: Вы же детерминизмом занимались.

Э.Ф.: Да-да.

Т.Г.: Конечно, кафедра одна.

Э.Ф.: Нет, не из-за этого, по другой причине. Вы же помните, что Саушкин перенес очень тяжелое заболевание. Клиническая смерть у него была, после этого он немножко стал... Анучин это очень тяжело воспринимал. Между ними произошло какое-то расхождение. Но я взял на себя такой принцип: мне не важно, как между собой ладят или не ладят географы, если они крупные географы, то я равно

уважаю обоих. Вот такие коллизии были между Лавровым и Чистобаевым. А я знать не хочу о таких. Я очень уважаю Сергея Борисовича и очень уважаю Анатолия Ивановича. Если их какие-то личные дела, пусть они их и решают. Меня это не касается, я отношусь к ним в равной мере хорошо. То же самое Юлиан Глебович и Всеволод Александрович для меня сделали так много, что, если они даже в чем-то разошлись, это их личное дело.

Т.Г.: Нет. Я не это имела в виду. Я имела в виду, что понятно, почему Анучин был назначен вашим оппонентом.

Э.Ф.: Нет. И еще по-другому. Анучин знал меня уже гораздо раньше при таких обстоятельствах. Когда Анучин написал свою первую книжку и стал ее защищать как докторскую, то ее разослали на отзыв, в том числе и в Саратов. Мы с Елизаветой Всеволодовной прочитали это. На нас произвело, конечно, очень сильное впечатление. Это хорошо написанная работа. Она немножко такая публицистическая, конечно. Это другое дело. Она и требовалась тогда, публицистика, потому что иначе не пробьешь это все. Значит, нам даже эта публицистика понравилась. Мы написали вдвоем: идеи давал я, а уже оформляла это литературно — она хорошо все это делала — Елизавета Всеволодовна. И она все-таки заведующая кафедрой. Правда, она еще кандидатом наук тогда была, но это не важно. Во всяком случае мы написали очень сильный положительный отзыв. Всеволод Александрович остался благодарен на всю жизнь. Он знал, кто подлинный автор. Он сделал очень для меня много. Он приглашал меня к себе, когда я приезжал в какую-то командировку для работы в архиве ЦГАДА* и в других. Он приглашал меня к себе и рассказывал мне много о Николае Николаевиче Баранском. Его мне не удалось повидать, он уже не выходил. Он читал мои материалы, которые я отдавал в журнал «География и хозяйство», и благословил на их публикацию. Но повидать его мне не удалось. И рассказывал много всего другого о том, как он вел борьбу со своими противниками. Когда встал вопрос о моей защите, Анучин приехал и был моим оппонентом.

* ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

Т.Г.: Эрнест Львович, в каком году вы защищали кандидатскую?

Э.Ф.: Осенью 66-го года защищал. В нашем совете. Он только тогда появился, у меня была вторая или третья защита всего вообще. Правда, поскольку это еще и история, то расширили совет специальными отдельными членами — историками нашими саратовскими и даже философами, которые дали заключение, что это то, что надо.

Т.Г.: Как звучала тема вашей кандидатской диссертации?

Э.Ф.: «Исторический обзор учения о взаимодействии общества с природой». Автореферат есть.

Т.Г.: Первым оппонентом был Анучин.

Э.Ф.: Первый оппонент был Анучин, а второй — заведующий кафедрой физической географии, член совета Павел Савельевич Кузнецов. Один физгеограф, другой экономгеограф. Двое их было. Оба доктора.

Т.Г.: И научный руководитель?

Э.Ф.: Научного руководителя у меня не было.

Т.Г.: Вы без научного руководителя защищали. Это вообще уникальный случай.

Э.Ф.: Фактически Андрей Львович был руководителем, когда я был в Ленинграде, но формально он не был руководителем.

Т.Г.: Это удивительный случай. У вас не написано на автореферате и на диссертации?

Э.Ф.: Нет, никакого руководителя.

Т.Г.: Мне кажется, я другого такого случая не знаю, когда кандидатскую диссертацию защищают без научного руководителя.

Э.Ф.: Я был без руководителя. Это точно совершенно.

Т.Г.: Это просто поразительно. Докторские понятно, что бывают без научного руководителя.

Э.Ф.: Это я знаю.

Т.Г.: Но кандидатские я, честно говоря, не слышала.

Э.Ф.: Сейчас научный консультант. Докторскую я точно защищал без всяких даже консультантов.

Т.Г.: Да. Сейчас не руководитель, а консультант, но часто без консультантов бывает.

Э.Ф.: Нет. Вот так. Я не могу сказать, как это сделано, видимо, Саушкина устраивало.

Т.Г.: В любом случае это исключение из правил.

Э.Ф.: Эти два человека сделали для меня очень много, и Юлиан Глебович, и Всеволод Александрович.

Т.Г.: Вы защищали по какой?

Э.Ф.: Тогда была одна экономическая география.

Т.Г.: По экономической вы защищали?

Э.Ф.: Или даже просто география.

Т.Г.: Но не по физической?

Э.Ф.: Нет.

Т.Г.: Все-таки, у вас же на стыке.

Э.Ф.: Да-да, я не знаю, все сделали как-то, все нормально. Автореферат у меня есть. Он в списках моих трудов значится, можно посмотреть.

Т.Г.: Вот Владимир Леопольдович Каганский недавно защитил кандидатскую диссертацию, так он по двум. У него прописано две специальности: экономическая, социально-политическая, рекреационная и вторая — физическая география в автореферате.

Э.Ф.: Да-да. Но тогда меньше было бюрократии, чем теперь. Тогда легче все-таки делалось. Что особенно нравилось москвичам. У них были напряженные отношения с ленинградцами, а я четко проявлял себя сторонником школы Баранского. Я мог цапаться с Семевским, допустим, потому что я объективен. Это вообще ценили. Что вот молодой, начинающий и не москвич по образованию, а поддерживает как раз москвичей. Так что вот за добро мне отплатили, так сказать, добром. Вот так развивались события.

Доносчики на кафедре

Я стал кандидатом наук, через год мне присвоили доцента и все вроде бы шло очень хорошо. Но в этом нашем заведении, на нашей кафедре, были люди страшные. Просто страшные. Я не буду называть их фамилии, чтобы их не пропагандировать. Мне бы не хотелось этого делать.

Г.Т.: Не хотелось. Может быть наоборот назвать.

Ф.Э.: Нет, не нужно. Слишком много чести.

Г.Т.: Много чести, хорошо.

Ф.Э.: Слишком много. Значит, условно будем говорить об инициалах ВИБ и СИС. Вот это были представители тех страшных черных сил, о которых пишут, как о страшных большевиках. Это были страшные люди. Один из них считался как раз учеником москвичей, и он был деканом факультета

и заведовал кафедрой даже экономической географии, если не ошибаюсь. Это был откровенный гад. Воспользовавшись теми обстоятельствами, которые все-таки привели к оттепели, его стали потихонечку оттеснять. За то, что он, конечно...

Г.Т.: А в чем выражалось это его гадство?

Ф.Э.: Прежде всего, он был просто доносчик. Вот того же Гольца убрали с этого места по его доносу. Что как это у нас работает человек, который как меньшевик был сослан. Его с выходом на пенсию убрали сразу же. Потом, когда организован был совет, Лебедев первый написал, что он взял в качестве ученого секретаря Гольца. Человек свободный, не работающий, прекрасно образованный, может помочь. Тоже пошел донос, что вот Лебедев, коммунист, берет какого-то меньшевика к себе. Сняли, сняли с поста. Потом он поцапался с самим Лебедевым, стал писать доносы на него, точнее говоря, не на него, а на его сына. Даже в его докторской диссертации нашел какие-то недостатки, якобы он там слишком прославляет китайских лидеров. Вроде уж куда, абсолютная ересь. И все это шло вверх. Другое дело, что это не имело последствий, но отравляло жизнь, конечно.

Г.Т.: Последствий не имело?

Ф.Э.: Последствие было ужасное. Как раз отмечался юбилей Лебедева. Он уже в это время не был ректором, заведовал только кафедрой и руководил советом. Он имел аневризму. И когда был юбилей его, он сказал, что никаких торжеств не надо проводить, а просто кто захочет может пойти поздравить его лично в кабинете на кафедре. Мы с Елизаветой Всеволодовной пошли его поздравлять. Елизавета Всеволодовна была большой его приятельницей. Они помогли очень друг другу в работе. Больше того, Елизавета Всеволодовна была одно время ученым секретарем, потом председателем головного совета по географии при министерстве. Кстати, за счет этого мы получали тоже возможности, с ними ездили в самые разные места: Иркутск, Орджоникидзе, Владикавказ. В разные места можно было вместе поехать. Что-то я сбился.

Г.Т.: Лебедев с аневризмой.

Ф.Э.: Да-да. С нами увязался этот самый СИС. Естественно, первая вошла Елизавета Всеволодовна, поздравила очень тепло. Потом я подошел. Лебедев же меня и выкормил, он же мне и дал степень кандидата. Он понимал, что я это искренне, от всей души сделал. Его студенты очень уважали. Как лектор он считался первым. Вторым был Торопыгин, а первым как раз Лебедев. Он был блистательный геоморфолог, лектор великолепный. Да, была придирка тоже у них: «Он неправильно провел границу на своей схеме с Китаем». Это были как раз события на Дальнем Востоке.

Г.Т.: В пользу Китая были.

Ф.Э.: Это же додуматься надо. Конечно, никто не обратил на это внимания, но нервы-то портит. И вот подходит СИС, Лебедев весь побледнел и сказал: «Вам руку я не подам». Я до сих пор думаю, какие мы с Елизаветой Всеволодовной. Мы так потом раскаивались. Зачем мы пустили его туда? Не подумали, что это для него стоит. И представьте себе, вот мы его поздравили. Ну, время после занятий, ушли. Утром приходим, — Лебедев умер. Он дошел до своего дома, аневризма сработала, и рухнул прямо в дверях. Я не исключаю, что убийцей был этот СИС. Это такое было, видимо, напряжение. Это большой мой лично грех. Надо за шиворот взять этого человека.

Г.Т.: Эрнест Львович, не надо себя корить, потому что аневризма — это очень коварная штука, она могла вообще в любой момент от чего угодно.

Ф.Э.: Но в данный момент не случайно. В данный момент я знаю, это усилило все это.

Г.Т.: Ну да, возможно.

Ф.Э.: Очень был страшный миг.

Г.Т.: Давление поднялось.

Ф.Э.: Очень отравляло ему жизнь. Вот так он погиб совсем молодым. Значит, это один был такой человек. И терпеть не могли они, конечно, Елизавету Всеволодовну, которая была очень такой обходительной. Она всем помогала, все хорошо. Они мечтали ее убрать. А убрать почему? У них два доцентских срока и больше нельзя. Поэтому ей нужно было защищать докторскую диссертацию. Докторскую диссертацию она написала по сельскому хозяйству Англии. Не знаю, почему она взяла именно эту тему, но тем не менее написала. Весь материал, какой был тогда, собрала. В Англии она не бывала, к сожалению.

Г.Т.: Так часто было.

Ф.Э.: Но работа получалась очень неплохая. Я старался ей всячески помогать, и другие наши преподаватели тоже. Кто математический аппарат ей помог сделать. Она выглядела вполне прилично. И вот на кафедре идет обсуждение. Вышеуказанный СИС, а также ВИБ говорят. Елизавету Всеволодовну уже к тому времени сместили с заведования кафедрой. И вот говорят, что мы проводим заседание кафедры, кафедра не одобряет этой работы, потому что она восхваляет английских лендлордов. Почти в точности цитирую.

Г.Т.: Боже мой, это сейчас смешно. А на самом деле это же...

Ф.Э.: Полная ахинея. Кафедра не дала рекомендацию. Я, конечно, голосовал против, но это...

Г.Т.: Большинством голосов?

Ф.Э.: Большинством голосов.

Г.Т.: А почему? Все их так боялись.

Ф.Э.: Их боялись, во-первых. Во-вторых, они говорили так, что партийная дисциплина требует, чтобы все коммунисты голосовали единодушно. Я не коммунист, я ничем не обязан. А все те, кто были коммунистами, проголосовали так. Которые ничего против Елизаветы Всеволодовны, конечно, не имели и, наоборот, должны были благодарить ее, сколько она им помогала. Вот так вот было.

После этого Елизавета Всеволодовна поехала в Ленинград. Лавров и остальные очень сильно смеялись. Они достаточно умные люди, будучи коммунистами они все-таки понимали, что настоящее, а это абсолютная клевета. И наплевали на все, и Елизавета Всеволодовна, я бы сказал, даже еще лучше защитилась, чем без этого вот. Потому что тут уже в знак протеста. Конечно, у нее слабые места были безусловно, но связанные просто с недостатком материала. Но тут она прошла на ура и вернулась доктором. Вот, такие это были люди. Кроме того им очень не нравился я.

Доносы на Файбусовича

Г.Т.: Почему? Чем вы так насолили?

Ф.Э.: А я насолил очень просто. Я во всем поддерживал Елизавету Всеволодовну. Я вел самостоятельную работу и на их указания не реагировал, потому что они были нелепы. Решено было сделать какое-то черное дело против меня. Это была совершенно гнусная история. Это уже был конец 70-х годов. Когда уже оттепель стала затихать потихонечку. Мне предъявили гору обвинений. Что вот, дескать, я не использую ленинские работы и так далее. Я говорю: «Простите, у меня даже целые статьи есть этому посвященные, могу показать. У меня в списке есть, посмотрите, я еще в Якутске...» Я благодарен до сих пор Якутску за то, что они первые издали мои две статьи. Одна была посвящена эстетическому воспитанию, а вторая была посвящена использованию материалов XX съезда на уроках географии. «Вы что, не видите, что у меня как раз есть специальная, обществом «Знание» изданная брошюра про Ленина и географию. Вы же видите, я все, что можно, делаю». — «Но сейчас же вы это не пишете, может ваши взгляды изменились». Я говорю: «Что значит может? А что, я должен повторять? Я не повторяю ничего. Я один раз написал. Я не меняю своих убеждений». Вот так, значит, мало на Ленина ссылаюсь.

Потом я говорю о том, что у Ленина есть высказывание, что разные господа Менделеевы делают что-то такое буржуазное. «Вот он оклеветал нашу...» — это я цитирую это. «Великого нашего ученого. Он и не патриот». В общем, черт его знает, абсолютная ахинея была вот в этом. И был любопытный факт. Меня незадолго до этого избрали по конкурсу очередной раз. Они потребовали заседания совета, чтобы решить вопрос, стоит ли держать этого человека, раз он такой антипартийный.

Г.Т.: Антименделеевский.

Ф.Э.: Ну, Менделеева там один... Вся глупость даже невозможно передать. Вот это все делали ВИВ и СИВ. Причем они все время говорили, что партком их обязывает делать это, и они как коммунисты должны. Ладно. Тогда проводят заседание, а я тоже был подготовлен к этому заседанию, потому что у меня было очень много сочувствующих мне людей. Они знали уже о всей этой грязной возне. Особенно, в библиотеке меня любили... Как я говорил, всегда любили. Они мне нашли материалы на этого самого ВИВ. Дело в том, что еще в далекие времена, еще сталинские, проходила такая чистка от дураков...

Г.Т.: Да? Первый раз слышу от вас. Так называлась?

Ф.Э.: По существу это так было. Это люди, которые так слепо исполняли все указания, что это приносило только вред.

Г.Т.: Как? Это борьба с перегибами?

Ф.Э.: Это не перегибы. Это просто наоборот. Они слишком обозначали и среди них один... У меня память-то плохая стала... Он самый главный при Горбачеве был. Как же его фамилия? Вы его знаете, один из главных лидеров во время перестройки... Вылетело из головы.

Г.Т.: Рыжков что ли?

Ф.Э.: Из Томска... Это прекрасный премьер-министр... Господи, ну вот, память подвела. Да, он был секретарем, первым секретарем комсомольского, где-то в Томске... Лигачёв.

Г.Т.: А, Лигачёв Егор. Все понятно.

Ф.Э.: Мне принесли, показали, в библиотеке достали номер газеты «Правда» со статьей, что бывают такие работники на местах, которые честные коммунисты, никаких политических претензий мы к ним предъявить не можем (это я почти дословно цитирую), но они просто не умеют работать, они глупые люди. И там фигурируют Лигачев, между прочим.

Г.Т.: Как интересно. Это какой год?

Ф.Э.: Вот я боюсь соврать. Это в конце уже 50-х годов, незадолго до моего приезда в Саратов. И вот этот самый ВИВ. Оказывается, он возглавлял сначала просвещение, потом культуру в области, в Саратове партийный работник... Сейчас он юрист по образованию. А потом, когда прочитали эту статью, то сделали оргвыводы, выгнали с треском, потому что это был человек, который выполнял любое указание партии. Вот сегодня одно, он будет говорить одно, завтра... Он не глупый человек, он прекрасно понимает, что это глупо, но раз сходит партийное указание, он делает и делает так грубо, что все ужасно, то есть приносит вред, все разваливается. Это были самые страшные люди. После этого его сняли, но ему сказали, что вас нужно трудоустроить: «Вот в вуз какой-нибудь? Вы хотите преподавать?» — «Да, хочу». Он, кстати, неплохо преподавал. «Вы знаете, а какой бы вы хотели факультет?» — «Географический, я хочу преподавать географию». И его устроили старшим преподавателем по географии. Он географию знал неплохо, очень неплохо знал политическую жизнь, но это занудство такое... Оно, конечно, страшно. Сын его терпеть не мог совершенно. Вот он был одним из ведущих тех людей, которые меня травили...

Значит, первое заседание ученого совета, из которого предварительно меня выставили, хотя я был членом совета... Это уже была колоссальная передержка. Во-вторых, ввели как раз этого самого СИС, который членом совета не был, его никогда не подпускали, потому что все знали, кто это такой. То есть изменили состав совета и провели голосование — 50 на 50. А по закону считается так, что поскольку место

есть, и других конкурентов не было, значит, в пользу этого человека, потому что больше половины. Все обрадовались, и я в том числе, что все кончилось благополучно. После этого (это уже по рассказам, я сам этого не видел, не свидетель) на следующий день собрали совет, и эти два негодяя сказали, что требуют, чтобы было проведено переголосование. Между прочим, я в своем выступлении на том совете рассказал, кто меня травит, сославшись на эту поправку. Это была действительно пощечина. Было теперь уже на что сердиться. И все коммунисты обязаны проголосовать за увольнение, а оставалось в совете три некоммуниста. По результатам три было против, а все остальные — за. Я до этого пошел к ректору, а ректор у нас только что поменялся, он совершенно не знал обстановку, приехал из Донбасса, Богомолов такой, и сказал: «Вы знаете, вам будут говорить про меня всякие гадости. Не слушайте никого, не давайте никаких распоряжений. Я вам обещаю представить такие аргументы, по которым у вас не будет...» Но он не поверил и подписал приказ о моем увольнении.

Г.Т.: И по какой статье? Как не прошедшего по конкурсу?

Ф.Э.: Да, не прошедшего. Какое может быть еще?

Г.Т.: Понятно.

Ф.Э.: А речь была о том, что я не коммунист, я не пропагандирую коммунизм. Это абсолютно не соответствовало действительности. Я пропагандировал все, что можно, можете быть уверены. Не только потому, что это было нужно.

Г.Т.: Я знаю про ваши убеждения.

Ф.Э.: Мои убеждения... Другое дело, что я умалчивал о том, в чем я не согласен. Было такое. Но все, что я говорил, это было то, что совпадало, и было искренне. Студенты это хорошо знали, хорошо понимали, не все, правда, некоторые самые умные понимали.

Тогда Елизавета Всеволодовна говорит, что давайте поедem в Москву. Она уже тогда не была членом, просто уехала по делам совета, и я поехал. Мы пришли в министерство со всеми этими протоколами, какие были, всеми этими материалами. Там были два чиновника, одного фамилия была Кордюков, второго, к сожалению, забыл. Они стали читать, их совершенно потрясло то, что они читали. В частности, одна из претензий была такая: «Почему вы читаете курс лекций — у меня вышло пособие «Введение в экономическую географию» — по Саушкину, когда есть Сиверского?» Я говорю: «Ну почему, я учился по Саушкину и всему хорошему от него научился. Почему бы мне и не читать по Саушкину?» — «Нет, надо было по Сиверскому, на нем же гриф стоит». Я говорю: «Министерство вправе ставить гриф, но это не означает, что я должен именно по Сиверскому». — «Так вы властей не признаете?»

Г.Т.: Логика железная.

Ф.Э.: Когда они дошли до этого места, они легли животами на столы свои и хохотали, остановиться не могли. Они говорили: «Господи, наше министерство кто только не ругает, и вот нашелся этот защитник нашего министерства». Я никогда до этого не видел, чтобы люди так гомерически смеялись. Это же надо довести до такой глупости. Они сказали: «Поезжайте домой, мы запросим, чтобы представили настоящие документы, потому что тут же видно, что это липа полная. Вы дайте нам протоколы, в которых было указано, что при посещении его лекций находили какие-то недостатки или что-то еще. Если вы это привезете, мы это будем рассматривать. А то, что здесь написано, — это полная ахинея».

Возвращаясь, еще я зашел к Всеволоду Александровичу Анучину. Он услышал, страшно расстроился и сказал: «Хотите я вам денег дам, вы же не работаете». Я говорю: «Во-первых, у меня жена работает, во-вторых, я только сейчас освободился, месяца еще не прошло. Не надо мне протягивать руку». И он мне рассказал, что обязательно нужно бороться, как бороться. Так что хорошо меня принял. Он же сам пережил почти тоже самое. Значит, наградил меня такими знаниями еще тоже.

После этого я уехал, сколько-то там работал, то есть не работал, а ждал, а потом решил поехать в Москву, чтобы узнать все-таки результаты. Приезжаю я в Москву и еду вместе с Богомоловым: ректора вызвали

с новыми документами. Как делались эти документы, я знаю. Закрыли нашу лаборантку в кабинете, она там...

Г.Т.: Все сляпала.

Ф.Э.: Задним числом какую-то чушь. В результате, когда я приехал и пришел к этим людям, они сказали, что ваш материал рассмотрен, все это ерунда и липа, поэтому сказали ректору, что он ректор молодой и мог не знать всех обстоятельств дела, пошел на поводу явных негодяев, поэтому поезжайте спокойно домой. Ему сказали, что или вы немедленно восстанавливайте его на работе и оплачиваете за счет университета простой, если вы этого не сделаете, то вы оплатите это за свой счет, или мы дадим приказ по министерству о том, что ректор Богомолов допустил такое абсолютное беззаконие. Это было все согласовано с ЦК партии, не без того. Мне рассказали, что они дали санкцию на это.

Кстати, сам Анучин мне рассказывал (ему рассказывали сами кэгэбэшники), что когда на него написали доносы, то вызвали этих людей и сказали: «Ну что, будем сажать Всеволода Александровича?» Они говорят: «Как сажать?» — «Так вы же написали, что он чуть ли не агент американского империализма. А наша цель бороться с американским империализмом. Будем сажать?» Они говорят: «Да что вы, да мы не это имели в виду, мы имели в виду...» — «Так что тогда?» Вот так. Умные люди работали.

Г.Т.: Это так, да.

Ф.Э.: Вот он мне это все рассказал. Действительно, я поехал домой, но тут произошло еще интересное.

” Когда я доложил по телефону, Анучин еще просил: «Ни в коем случае не останавливайся на этом. Самое главное не фигурировало, на вас был явно какой-то другой донос, который и исследовался. Все видели, что это чушь. Что-то еще есть. Кто это может узнать? Иди на Лубянку».

Я послушался, написал заявление. Прихожу на Лубянку, посидел немножко там, захожу в приемную, там сидит какой-то чин гэбэшный. Я протягиваю ему заявление. Он посмотрел и говорит: «Вы хотите, чтобы мы министру Андропову...» Я говорю: «Ну, видите ли, вам виднее». Когда подают заявление, оно, естественно, на имя министра, а кто будет это важно. Он посмотрел и сказал: «Вы знаете, а ничего, если мы передадим в Саратов, чтобы саратовское ГБ...» Я говорю: «Это же опять ваша воля, я не могу диктовать свои условия, я вам вполне доверяю». — «Езжайте спокойно». Я приехал, кстати, опять же в одном поезде с этим Богомоловым, уже лежал приказ. На следующий день было мое восстановление на работе.

Проходит еще очень небольшое количество времени, меня вызывают в отдел кадров. Прихожу я в отдел кадров, там сидит человек, очень похожий (они все очень похожи) на того, который был в Москве. Тут же прибегает начальник отдела кадров университета, его ректор послал узнать, что же со мной делать. Вот этот кэгэбэшник говорит: «Мы посмотрели все ваши материалы. Вас восстановили, работайте совершенно спокойно, никаких к вам претензий нет». Я говорю: «Видите ли, это у вас ко мне претензий нет, спасибо. Но у меня есть претензии. Ведь это же явная клевета, что это было. Возможно принять какие-то меры против этих людей?» — «Нет, нам и так говорят, что мы слишком во многое вмешиваемся. Если хотите, подавайте в суд». Но в суде-то не будет основного доноса!

Г.Т.: Конечно.

Ф.Э.: А я говорю: «Тогда лишаете меня вопроса» А основной донос явно был по сионистской линии.

Г.Т.: Вот так.

Ф.Э.: Когда я сказал, что я же знаю, что эти люди наверняка что-то наговаривают, он ответил: «Вы знаете, мы и без них все знаем». Это он очень хорошо сказал (*смеется*).

То есть эти люди только щеголяли тем, что они якобы связаны с КГБ, а им не доверяли, именно потому, что раз все знали, что они доносчики, то никто с ними...

Г.Т.: Всерьез и не работал.

Ф.Э.: Понимаете, они и так все знали. Основное сионистское обвинение было снято.

Г.Т.: Состав преступления...

Ф.Э.: В том то и дело, они это лучше знали, чем кто бы то ни был. Это был очень тонкий такой их ответ, можно так сказать

Г.Т.: Эрнест Львович, а у меня еще возникает мысль, что собственно не нужны никакие сильно репрессивные органы: наши люди все сделают сами, своими руками и с большим удовольствием.

Смерть жены и возвращение в Ленинград

Ф.Э.: Конечно. После этого все закончилось благополучно, и я стал снова работать. Это был, конечно, очень большой... Елизавета Всеволодовна считала, что моя жена заболела тогда...

Г.Т.: Вполне возможно, стресс очень большой.

Ф.Э.: Она всегда знала, что я настоящий честный человек. Это она знала лучше, чем кто-нибудь другой. Она очень тяжело переживала не от увольнения, а просто от ощущения того, что...

Г.Т.: Клевета, понятно.

Ф.Э.: Очень тяжело переживала, и тогда у нее обострилось снова заболевание онкологическое. Вот такие были истории со мной, тем не менее я сохранил симпатии к своим саратовским коллегам, которые были моими друзьями.

Г.Т.: Сколько вы там еще проработали после этого случая?

Ф.Э.: Я проработал до 82-го года. Дело в том, что в 81-м году скончалась моя жена здесь, уже в Ленинграде. Она не вернулась после операции.

Г.Т.: То есть она оттуда уехала.

Ф.Э.: Я привез ее в больницу в Песочный, где после я сам тоже был. Потом она уже была нетранспортабельна. Сестра ее младшая уступила свою квартиру однокомнатную. Они сами на даче были летом с мужем, а мы были там с ней. Там она и скончалась... Я вернулся один [в Саратов], у меня родни нет. Сын уже закончил университет и работал в Тюмени.

Г.Т.: Он закончил у вас университет?

Ф.Э.: Наш университет.

Г.Т.: По какой специальности?

Ф.Э.: Геоморфолог. Он как раз у Лебедева учился.

Г.Т.: Потом уехал в Тюмень и с тех пор и до сих пор там живет?

Ф.Э.: Да-да-да. Он тогда и уехал. Его взяли на работу вот те самые студенты, которые когда-то тетешкали его маленького.

Г.Т.: Ясно.

Ф.Э.: Он вырос, его взяли туда на работу. Сейчас уже многие в возрасте, уже умерли многие. Они его туда пригласили... Значит, вот такое было серьезное испытание.

Г.Т.: То есть она умерла в 81-м году, и вы в 82-м оттуда уехали.

Ф.Э.: Да. Я решил, что перееду в Ленинград, потому что тут мои родители и сестры, много моих друзей, и, кроме всего прочего, Лена Чернихова, которая оказалась моей женой, с которой были связаны перепиской. Она знала мою жену. Так что во всех смыслах выгодно было здесь. В 82-м году меня взяли здесь на работу в Финансово-экономический институт.

Г.Т.: Я думаю, что надо поставить тогда точку. Вы про Саратовский период закончили?

Ф.Э.: Да, будем считать, что да.

Г.Т.: Итак, мы с вами завершаем саратовский период.

Ф.Э.: Надо подвести итоги. Несмотря на то, что были такие неприятности в последние годы пребывания, все-таки можно считать, что было достигнуто много положительного. Я работал со многими сильными специалистами. Я уже называл Валентина Григорьевича Лебедева, Николая Николаевича Студенцова, Елизавету Всеволодовну Мионову и других товарищей, менее остепененных, но обладающих тоже большим педагогическим талантом.

Я хорошо и широко использовал возможности блестящей университетской библиотеки. Она была одной из лучших библиотек, которую я посещал. И я был в фаворе у тамошних работников. Конечно, очень много дали описанные практики, занятия, конференции, которые позволяли мне держаться на общем уровне всероссийском, так сказать. Все это было хорошо. В заключение можно сказать, что я еще стал большим специалистом в производстве сельскохозяйственной продукции, потому что почти каждый год нам приходилось выезжать осенью или в конце лета на различного рода сельскохозяйственные работы. То это было связано с уборкой зерновых, то на огромных новых орошаемых землях Заволжья, где-то под Энгельсом, мы собирали невероятное количество помидоров, лука, капусты, яблок. Это наша вторая профессия. Даже уезжал я последний раз в 82-м году осенью, меня не могли отпустить к началу учебного года, потому что некому было возить студентов. Все были в отпусках или на практиках на западе области по уборке сахарной свеклы. На этом закончился мой аграрный комплекс занятий, и я могу считать себя специалистом в этом вопросе. Значит, переезд в Ленинград был связан...

Г.Т.: Теперь о ленинградском периоде.

Ф.Э.: Я уже говорил, с чем была связана моя причина переезда в Ленинград. Казалось бы, что можно было продолжать работать в Саратове, но, конечно, переезд дал мне очень многое. Я получил возможность повидать своих родителей. Раньше я мог приезжать только в командировки, а тут я часто мог видеть своих сестер, своих племянников, выросших к тому времени уже. Кроме того, я встретился со своими старыми друзьями, которые в Ленинграде оставались, которые вместе со мной учились в педагогическом институте, аспирантами были в Герценовском вместе. Это сразу создавало очень благоприятную среду.

Квартирный вопрос и обустройство в Ленинграде

Несколько труднее складывалось мое чисто физическое — где мне жить. Дело в том, что отец мой в то время жил в квартире нормальной и очень хотел, чтобы меня прописали у него. Мы обращались ко всем, вплоть до секретаря обкома и председателя горсовета, и получили категорические отказы: никакого права на прописку не имеет.

Г.Т.: Почему?

Ф.Э.: «Нет прописки — нет жилья». — «А какой выход из положения?» — «Обменяйте свою квартиру. Если обменяете квартиру, то пожалуйста. Сколько человек уедет, столько может приехать».

Г.Т.: То есть это кому-то понравилась квартира?

Ф.Э.: Нет, в каком смысле? Я предлагаю свою квартиру, прошу в обмен, что они переедут туда в Саратов, а я — в Ленинград. У меня же ничего не было.

Г.Т.: Поменяться с Саратовом. Поняла, я думала, что отцу предложили.

Ф.Э.: Нет, речь идет обо мне. К счастью, мне пошли навстречу. Хотя без прописки не имели права даже взять, но было указание ректора. Тогда был Лавриков. Он дал указание, что по временной прописке меня можно тоже временно принять. Это было некоторым небольшим нарушением. Временную прописку мне оформила сестра покойной жены, я у нее был прописан. Это дало мне возможность работать, но меня предупредили в отделе кадров, что это возможно до первой ревизии месяц-другой, что обязательно обменивайте. Обмен мог быть только неэквивалентным. Ленинградцы очень ценили высокий тогда уровень снабжения по сравнению с Саратовом. Саратов у них был по Грибоедову, по Фамусову «деревня, глушь». Поэтому это был крайне неэквивалентный обмен. Я трижды готовил обмен, то есть смотрел то, что мне предлагали здесь, потом ездил оформлять в Саратов. В тот момент, когда уже вроде все было готово, все три раза получил отказы по телефону: «Мы отказываемся».

Г.Т.: Передумали.

Ф.Э.: Сколько я ни убеждал: «Вы живете в коммуналке, в одной комнате, бог знает какой задрипанной. Там у вас будет настоящая двухкомнатная квартира со всеми удобствами. Это для меня потеря, вы же выигрываете». — «Ну как же? Это же Саратов, а это Ленинград». Я же работал в это время уже, три раза я летал самолетом туда и обратно, чтобы организовать обмен. Наконец только в четвертый раз в результате очень сложного обмена, в котором участвовало несколько менявших все, что можно, я обменял свою двухкомнатную квартиру в Саратове на коммуналку на окраине города, правда, в доме сравнительно новом. У меня была десятиметровая комната. Другой такой же бедолага получил вторую десятиметровую квартиру, в третьей там жила одна старушка. Вот все, что я смог получить по обмену. Я должен был это сделать, иначе просто выгнали бы с кафедры, потому что без прописки нельзя держать. Так уже к началу следующего года я был законным жителем города, и по этой линии претензий больше не было.

Обстановка на кафедре

Вакансия возникла по ряду причин на той кафедре, на которую я пришел. Во-первых, там умер заведующий кафедрой Долинин, видный ленинградский географ, с которым я лично не был знаком. На его место пришел Сергей Всеволодович Успенский с соседней кафедры, кафедры планирования. Он никакого отношения к проблемам географии, конечно, не имел, но был образованным человеком, доктором экономических наук и членом Географического общества. Он стал искать новые кадры, потому что старые встретили его в штыки. Долинин, говорят, был очень замечательным человеком. Я рассказываю с чужих слов, лично я его не знаю, и со слов Юрия Дмитриевича Дмитриевского, с которым я вместе работал на этой кафедре. Они обращались в руководство университета с тем, что они не хотели бы иметь заведующим именно Успенского, учитывая определенные черты его характера: он был жесткий человек. Он это запомнил и постарался в течение нескольких лет поменять состав, убрать оппозицию, так сказать. Тем более что состав квалификационный был не очень высокий. Многие степеней не имели при этом, поэтому были основания избавиться от них. Кроме того, одна вакансия образовалась еще за счет того, что одна из преподавательниц эмигрировала в Америку. То есть брать меня было в некотором роде даже рискованно, не поеду ли я по тем же стопам потом.

Г.Т.: Действительно.

Ф.Э.: Успенский на риск пошел, но он получил хорошие аттестации, в частности, от Юрия Дмитриевича. Мы с ним были уже знакомы, раньше познакомились. Я даже звал его в свое время в Саратов. Елизавета Всеволодовна его знала и очень хотела, чтобы именно он стал заведующим кафедрой в Саратове, но это оказалось технически невозможно. Он тогда в Вологде работал, но он просил квартиру. Квартиру ему дать не смогли, и он переехал в Ленинград. То есть последовали какие-то рекомендации, и я был принят на работу.

Кафедра бесконечно меняла название, как и наш институт неоднократно менял название по разным причинам. То он был имени Вознесенского, потом стал Финансово-экономический институт (в просторечии ФИНЭК) уже без какого-то имени, потом еще неоднократно менял свое название. Сейчас называется Санкт-Петербургский государственный экономический университет. То есть даже из института он превратился в университет. Мы даже праздновали юбилей как университет. Точно также менялись названия кафедр. Прежде всего, все над нами смеялись и говорили: «Какая может быть география? Географию проходят в школе, для вуза это не специальность». Поэтому кафедру называли самыми разными словами, например, ТЕРОНХ. Я уже не помню даже расшифровку, территориальная организация народного хозяйства, что ли. Она неоднократно меняла название и каждый раз запомнить его было невозможно, всегда приходилось в шпаргалку смотреть.

Практически все-таки мы преподавали именно экономическую географию. Образование географическое было поставлено очень хорошо при Долинине. У него были работники, в частности, даже просто лаборант такой был Балашевич. Они делали первоклассные пособия по практическим занятиям, просто замечательные. Очень хорошие программы были. То есть люди умели работать, преподавать именно географию. Кроме географии еще на нашей кафедре были специалисты по сельскому хозяйству, читался хороший курс сельского хозяйства. Кафедра была межфакультетская, обслуживала всех, у кого в программе была география, а у некоторых было еще сельское хозяйство. И было уже чисто кафедральное направление — это по территориальной организации, его возглавлял сам Сергей Всеволодович, сам читал следующий курс. Он хорошо умел работать по планировке.

Через пару лет добавилась экология, она стала модной уже в 80-х годах. Соответственно, поставлен был всюду обязательный курс экологии. Мы освоили его довольно хорошо, хотя большинство наших специалистов были выпускниками экономических вузов, строго говоря, не занимались физической географией и экологией, но они быстро освоили эту тематику и стали всюду читать лекции по экологии. Мне уж сам бог велел, все-таки я уже тогда выступал по вопросам экологии, когда она еще была немодная. В частности, большую роль сыграла книга Арманда «Нам и внукам», блистательное экологическое произведение. Я в журнале «Новый мир» опубликовал рецензию на эту книгу, потому что это действительно был большой вклад. У нас работали две, а потом три секции преподавателей, хотя мы занимались и тем, и другим, но одни отвечали за постановку экологии, другие за географию, все остальные объединялись с самим Успенским.

О студентах

Кафедра была достаточно авторитетная, нас уважали, и географию студенты учили очень неплохо. Я могу привести такой пример, насколько тогда студенты были лучше, чем теперь. У нас был плановый факультет, где в отличие от других факультетов география совершенно справедливо ставилась два семестра, все остальные — по одному семестру. У них была география во втором и третьем семестре, то есть они учили полгода географию, потом был перерыв, потом они приходили и доучивали. Я пришел на практические занятия уже на третьем курсе. Я прочитал в какой-то газете, не помню, где-то было написано, что в Америке (это я и сам тоже знаю) никто не знает географию, что там так обстояло дело, когда дали контурную карту, они не смогли на контурной карте найти США. И тогда стали их учить так, что нужно схематически по памяти показать какой-то регион мира и показать соседство всех государств на этом континенте. Я пришел с этим на занятия, говорю: «Вот, ребята, мы с вами политическую карту мира изучали в том семестре, — это экспромт, они же не готовили ничего, — сможете ли вы выполнить

такое задание?» Они говорят: «Давайте попробуем». Я говорю: «Ну, какое возьмем?» — «Ну, давайте возьмем Латинскую Америку, но без островов, или Южную Америку». Сошлись на Южной Америке, дал им какое-то время. Сделали, были с ошибками, например, поменяли местами Колумбию и Венесуэлу. В общем-то, все страны нарисовали, а очень многие все нарисовали абсолютно правильно, хотя схематически. Заметьте, это ведь здорово. Они же в том семестре учили, прошло целое лето, и экспромтом, без всякой подготовки через пять минут они мне нарисовали эти карты.

Современные студенты на это неспособны. Это другой характер памяти. Те все-таки старались учить. А какие они писали конспекты прекрасные. Я не могу сказать про всех, были всякие разные, но были и сильные. Что меня тоже потрясло — некоторые готовили шпаргалки. Какие это были шпаргалки? Вы знаете, как-то на экзамене я смотрю, одна девушка явно лезет в свою тетрадку. Я говорю: «Ну-ка покажи, что у тебя написано?» Это была великолепно составленная, я бы сказал, хрестоматия. Она сама тщательно из всяких источников и из моих лекций составила. Я отобрал у нее и взял себе на память. Вот как надо работать с курсом, она все в шпаргалку приготовила. Я сказал: «Молодец, хорошая шпаргалка». В наше время все обстоит иначе, приходят студенты и начинают нести абсолютную чепуху. Я говорю: «Откуда вы это взяли?» — «А я это взял из книжки». — «Какой?» Называет пособие, я пошел и купил это пособие, там абсолютная ерунда написана. Я говорю: «Точно двойка, потому что если бы взял шпаргалку, но правильную, значит, что ты хоть понимаешь, что она правильная. А раз ты даже не понимаешь этого, то про что говорить». То есть у меня было такое отношение к шпаргалкам: хорошая шпаргалка есть признак того, что ты хорошо понимаешь. Сейчас, к сожалению, это встречается очень редко. Они у меня в одном семестре сдают, а на следующем семестре я читаю другой курс, я сам принимал у них экзамены, не завышал им оценки, они все отвечали правильно и все сразу же выбросили после получения оценки. Допустим, если бы другой преподаватель читал предыдущий курс, а я потом проверял, я бы сказал: «Как плохо он учит». А тут же я сам учил, сам оценку ставил. После этого они все выбрасывают, они считают, что это ненужно, что я рассказывал.

В общем, контингент студентов был довольно неплохой. Кстати, было очень много иностранцев. Было очень много немцев из ГДР. Вот уж кто были отличники, сидели все вместе на второй парте, внимали, слушали, русскую речь хорошо понимали, говорили немножко похуже, но понимали. Было очень много кубинцев. Кубинцы были очень забавные. Некоторые были такие белые, креолы, некоторые мулатики такие были, а одна была совершенно черная негритянка. Когда их группу сняли в нашей газете институтской, то на месте этой девушки было темное пятно (*смеется*). Настолько она была черная, что сливалась с фоном. Между прочим, не было абсолютно никакого расизма. Эти кубинцы очень дружные. Учились китайцы, уже не такие замечательные, как были в мои аспирантские годы, это уже были часто явные халтурщики. Было очень много представителей африканских стран, великолепные негры были, мавританцы всякие, пуэрториканцы. В общем, полный интернационал, разве только австралийцев не было. Из Латинской Америки были, не считая Кубу, приезжали из Венесуэлы, еще откуда-то. Это была очень интересная интернациональная среда, с ней работать было интересно. Многие из них прекрасно осваивали русский язык, хорошо говорили. Китайцы в этом смысле уже похуже стали, говорили хуже. Очень много было вьетнамцев. Очень было интересно в этом смысле работать. С нашей страны кого только не было: и грузины, и армяне, и прибалты, и латыши, и казахи, — все были. Так что у нас был подлинный интернационал и такой вуз.

Эта работа была интересной, но здесь уже не было того, что было на геофаке. Мы сидели в аудиториях. Никаких полевых практик, ничего этого не было. Все практики были исключительно в учреждениях, поэтому в этом смысле было поскучнее. Но тогда, к счастью, еще не мелочилось наше руководство и все-таки давало направления на разного рода конференции, командировки. Мне удалось продолжить эту традицию поездок на различные интересные конференции и выступления. Это создавало круг знакомств. В этом смысле все было очень хорошо, буквально денег не жалели. Например, у меня были командировки в Хабаровск, вот так вот.

Г.Т.: Замечательно.

Ф.Э.: Кстати, я даже совместил, было последовательно сначала в Хабаровске, а потом в Красноярске. Мы с

Еленой Яковлевной заявили как участники, но она прилетела самолетом прямо в Красноярск, а я был в Хабаровске. Съездил уже за свой счет во Владивосток заодно, когда я еще буду здесь, а потом поездом поехал немножко раньше в Красноярск и встречал ее на самолете. Вот так вот. Значит, даже оплачивали вот такие поездки как в Красноярск, в Хабаровск. Просто замечательно. Наш зам по науке безотказно давал на всякие научные конференции. Конечно, это повышало авторитет нашего вуза, поэтому денег на это не жалели. Это было приятно, я много ездил за счет института в разные научные командировки, в том числе в Москву. Что еще было хорошего? Конечно, хорошо само расположение вуза.

Г.Т.: Конечно.

Ф.Э.: Это же центр населенности города с довоенных времен, около Казанского собора, то есть мы были в самом центре. Сейчас-то он немножко сдвинулся, сами произвели расчет, теперь он около Сенной, но все равно близко. Конечно, эта центральность воспитывала. К сожалению, не только приезжие, но и горожане город сейчас знают очень слабо. У меня есть публикации, где я выступал, что поразительно, люди живут в таком замечательном городе и не представляют даже, как называются ближайшие улицы. Мы проводили такие исследования. Поэтому я стал проводить экскурсии. Например, по курсу экологии мы ходили по ближайшим островам, по Адмиралтейскому острову, по Казанскому, по Спасскому. Вот показывали водоемы все, показывали, где следы наводнений отмечены, отметки наводнений. Потом на Мойке есть стела с указанием уровня воды. Вот набирался такой интересный экологический материал, и студенты с удовольствием ходили на такие мои лекции. Я ввел такую практику хоть немножко выйти в поле. Кроме того, водил я их иногда в музеи нашего города, показывал им интересные, с точки зрения истории, колонки, объекты. Музей хлеба был великолепный музей, раньше был.

Г.Т.: А сейчас его нет?

Ф.Э.: Его переводят, их вытеснили оттуда. Хороший был музей очень. Сейчас я даже не знаю, на Выборгской стороне теперь будет. Были другие хорошие музеи, Этнографический музей рядом с Русским.

Г.Т.: Даже я к вам присоединялась время от времени и в Музей почвоведения, Музей воды.

Ф.Э.: Да. В общем, я старался внести и полевой момент. Студенты очень охотно шли из аудитории и путешествовали по городу. Я считаю, что в этом отношении я тоже проделал полезную работу. И еще стало хуже за последнее время... Раньше, учитывая сравнительно нормальные цены, студент мог позволить себе посещать театр. Сейчас это стало практически невозможно, цены совершенно безумные. Интерес к театру почти полностью утрачен. Они слышать не хотят слово «опера», не стараются к музыке совершенно, не бывают в той же филармонии. В прежних поколениях этого не было.

Г.Т.: Вы думаете, что это из-за цен?

Ф.Э.: В том числе из-за цен.

Г.Т.: Я думаю, что это все-таки не главный фактор.

Ф.Э.: Ну, очень важный, даже я не всегда себе могу позволить.

Г.Т.: Это понятно, но все-таки я припоминаю свои аспирантские и студенческие годы...

Ф.Э.: Мы были гораздо беднее в 50-х годах. У нас было очень много студентов, у которых только матери-одиночки, отцы погибли на фронте или где-нибудь в лагерях.

Г.Т.: Билеты были за 90 копеек, над люстрой покупаешь и все равно...

Ф.Э.: Можно было, нам, конечно, продавали билет на самую верхотуру на галерке, но продавали, их можно было купить. А сейчас же это все дико дорого. Может и по другим причинам. В общем, они полностью утратили интерес и даже слышать не хотят это. Вот такие контрасты.

Сотрудники кафедры

При достаточно напряженных отношениях, связанных с характером Сергея Всеволодовича, все-таки работа шла достаточно успешно, и всей кафедры, и моя лично. Кроме того, привлекали очень многих со стороны, потому что нагрузка была очень большая. Со стороны мы приглашали не кого-нибудь, например, Юрия Никифоровича Гладкого. Наши студенты его очень высоко ценили. Я потом встречал в поездах выпускников наших и спрашивал: «А кто у вас учил географию?» — «О, у нас был такой замечательный географ Гладкий». Потом у нас работал Владимир Михайлович Разумовский, он как раз особенно экологию ставил.

Г.Т.: Он первоначально работал как совместитель?

Ф.Э.: Как совместитель первоначально пришел, потом его взяли к нам на работу. Он экологию поставил просто великолепно, он книжки уже написал. Были крупные специалисты из проектных учреждений, они вносили такую практическую, будем говорить, струю, поэтому мы были очень довольны этими нашими совместителями. Это расширило контакты, конечно.

Постепенно обстоятельства менялись, конечно. После смерти еще в том веке Сергея Всеволодовича место заведующего кафедрой занял Владимир Михайлович Разумовский. Это, конечно, принесло пользу нашим кафедрам. С одной стороны, Владимир Михайлович очень административный человек, с другой стороны, он хорошо умеет уговаривать начальство. Это для руководителя очень важно, руководитель должен защищать от ударов сверху своих. Это очень хорошо делала Елизавета Всеволодовна в Саратове, и это делал очень хорошо Владимир Михайлович. Он берет на себя.

Г.Т.: А Владимир Михайлович с какого года руководит кафедрой?

Ф.Э.: С 98-го или 99-го, в самом конце того века. Меня назначили вначале исполняющим обязанности заведующего кафедрой. Меня вызывал проректор, я ответил: «Я бы не хотел занимать этот пост, я не чувствую себя администратором». Он говорит: «Мы тогда будем препятствовать вашему продвижению. Вы только что защитили докторскую, вы должны это сделать». Я стал этим заниматься.

Г.Т.: Про защиту докторской отдельно...

Ф.Э.: Я об этом скажу отдельно. Это было в 97-м году, как раз за год до смерти в 98-м году. Я назвал две кандидатуры, третью назвал, но она сразу вызвала отрицание. У нас был очень талантливый человек Сергей Ахметович Рафиков.

Г.Т.: Да, помню его.

Ф.Э.: Который был чистым экономистом, он и хотел преподавать экономические дисциплины, а Сергей Всеволодович всячески ему навязывал географию. Я отвечал за географическую секцию, и Сергей Ахметович всегда говорил: «Ну, сделайте что-нибудь, я не хочу заниматься географией, я занимаюсь совсем другим». Я говорю: «Знаете, я не могу прийти и с чистой совестью сказать Успенскому, что вы не можете преподавать географию, прекрасно вы можете. Я не могу покривить душой, не могу вам тут ничем помочь». Он стал первоклассным преподавателем, студенты с удовольствием вспоминают именно его как преподавателя географии, хотя он не был географом, а был чистым экономистом по образованию, просто образованный хороший человек.

Г.Т.: Действительно, я же тогда слушала его лекции, когда бывала у вас на стажировке.

Ф.Э.: Так вот студенты лучше всего отзываются о нем.

Г.Т.: Да, действительно, очень интересно, потрясающие лекции.

Регионоведение

Ф.Э.: Во всяком случае, кафедра, получив Владимира Михайловича в качестве руководителя, стала очень меняться. Сменила свое название, окончательное название* теперь то, с которого мы начинали представление мое. Она уже стала выпускающей кафедрой, а не общей, и выпускает специалистов очень редких. Когда-то я привез информацию о создании регионоведческой специальности в Барнауле. Владимир Михайлович как-то ухватился за эту идею, постоянно ездил в Москву и добился того, что нам разрешили специальность «регионоведение». Причем до сих пор никто не понимает, что это за наука такая.

* Кафедра региональной экономики и природопользования

Г.Т.: Вы знаете, я пыталась тоже у себя сделать, но у меня совершенно ничего, говорят, что бесперспективная, нет в стандарте.

Ф.Э.: Как нет?

Г.Т.: Не знаю.

Г.Т.: Тем не менее добился. Нет, регионоведение сделали дипломаты. Они изучали целый регион. Они так это и понимали, а Владимир Михайлович разработал собственную, так сказать, идеологию и сумел пробить ее. Сейчас мы растем, мы начали с того, что стали производить специалистов по регионам Западной и Северной Европы. Этого показалось мало и несколько лет назад добавили Восточную Азию: Китай, Корею, Японию. У нас специалистов-то не так много.

Г.Т.: А где же работают ваши выпускники?

Ф.Э.: Сейчас расскажу. Сейчас мода на Латинскую Америку. Нам уже дано указание, в данном случае это уже исходило сверху, готовить специалистов по Латинской Америке. С будущего года у нас будет прием по Латинской Америке. Я считаю, что это, конечно, хорошо, что мы откликаемся на веяние времени, но надо готовить заранее специалистов по этим вопросам.

Г.Т.: Да, преподавателей.

Ф.Э.: Хорошо, когда у нас есть сравнительно молодые преподаватели. Они имеют время для того, чтобы освоить это, также как я с вами в свое время. А у нас же очень много пожилых преподавателей. Их уже бессмысленно учить китаеведению или американоведению, понимаете, уже не то время. В общем, это большая проблема. Владимир Михайлович берется за это и как-то решает вопрос положительно.

Что касается распределения — оно же отсутствует, а устроиться на работу... Берут наших, они обладают очень хорошим знанием языков. Лучше всего они выучивают как раз языки, причем часто по два. После языка английского потом еще доучивают французский, шведский, немецкий, то есть с этой точки зрения они очень конкурентоспособны. Языки они знают лучше, чем географию. Это я ручаюсь. Но есть и очень талантливые, которые продвигаются. Вот моя дипломница, пока я с ней поддерживал отношения, она после института прошла дополнительное обучение во Франции. Прекрасная франкоязычная девочка, она вернулась к нам и длительное время в Москве потом работала в посольстве французском в качестве переводчика. То есть уже одно знание языков многое дает. Кроме того, они все-таки худо-бедно знают и историю, и политические особенности, и экономические особенности. Ольга Александровна Балабейкина учит их этнологии, конфессиональной географии, поэтому они получают очень приличными. Хотя у нас и готовят на другой кафедре туристов, они вполне могли бы заниматься и проблемами туризма. Вот часто у меня работали над этим, очень неплохо работали. То есть те из них, которые обладают такой ударной силой и желанием проявить себя, они находят работы, пусть не сразу, честно скажу, они находят свое место. А который ничего не хочет, так ему все равно, что регионоведение или что-нибудь другое. В общем, жалоб на трудоустройство пока, во всяком случае, нет.

Самое трудное для нас дело — это организация практики, потому что в отличие от географических факультетов, которые все делали для этого, у нас хотят обойтись по дешёвке. Никаких тебе дальних поездок, никаких тебе загородных выездов, ничего не делается за счет института. За свой счет,

пожалуйста, поезжай, за университетский — нет. Университет очень обеднел, особенно после слияния, у нас же несколько слияний было.

Юрий Дмитриевский

В общем, на кафедре работал с удовольствием, потому что много было симпатичных людей, коллег, единомышленников. Хорошо дружили, особенно пока был в составе кафедры Юрий Дмитриевич Дмитриевский. Он был неформальным лидером по существу, потому что он и географию знал гораздо лучше, чем заведующий кафедрой, во-первых. Во-вторых, просто по-человечески он был совсем другим человеком, поэтому преподаватели все ориентировались в деловой части, а не в бюрократической, именно на Юрия Дмитриевича. Этим он вызывал жуткую неприязнь Сергея Всеволодовича. Он понимал, что он не душа кафедры. Он — начальник, а тот — душа. Это привело к тяжелому конфликту, который был решен таким образом, что Юрий Дмитриевич перешел на другую кафедру, кафедру планирования. Это была очень большая потеря для нас, потому что он действительно спланировал всю кафедру. Он другом Долинина был в свое время, поэтому был продолжателем традиций. Это была большая потеря, но все равно он работал в нашем вузе. Мы с ним общались, я лично просто жил с ним в соседнем доме. Это был мой старший товарищ до самой его смерти в Татьянин день. Он умер 26-го, на следующий день. Мы отпраздновали с ним вместе день рождения его и его брата сестры, она в Ярославле жила, а на следующий день его не стало. Ему шел восемьдесят первый год всего-то.

Значит, это о наших кадрах. Кадры после этого менялись, к нам приходили новые люди, часто приходили аспиранты-герценовцы. Например, Корнекова Светлана Юрьевна. Она кончила Новгородский педагогический университет, потом была в аспирантуре у Гладкого в Герценовском институте, а после поступила к нам. Успенский успел ее принять. Она ему за это благодарна. Приходили и другие, даже провинциальные. Приехала Ольга Евгеньевна Доленина из Пензы, и ее взяли. Хороший подготовленный специалист хорошо преподает ряд дисциплин.

Что я считаю недостатком — это многопредметность. Огромное количество напридумывали предметов. Каждый преподаватель ведет по пять разных дисциплин, а не как раньше, допустим, географию и экологию. Нельзя быть специалистом в пяти дисциплинах в равной мере. Ясно, где он специалист, а где просто по должности это выполняет. Тем не менее многопредметность все время нарастает, все время придумывают всякие заковыристые курсы, причем многие из них просто дублируют один другого. Студент говорит: «А мы уже это слышали на лекциях у другого преподавателя». Потому что название-то разное, а предмет и объект общий, получаются вот такие накладки. Плохо это, конечно, но в такое время мы живем.

Докторская диссертация

Что касается моей личной карьеры, то мои старшие товарищи, прежде всего Юрий Никифорович, хотя он младший товарищ, старше по званию и по титулу, но на самом деле на десять лет меня моложе. И особенно Юрий Дмитриевич, они настойчиво требовали, чтобы я защищал докторскую диссертацию. Честно говоря, я не хотел этого делать.

Г.Т.: Почему?

Ф.Э.: Я объясню вам. Я убедился, что диссертация — это такой... Пребывание в Ленинграде позволило мне значительно расширить свою деятельность по публикациям. Контакты с руководителями ведущих журналов из Москвы и Ленинграда, просто широкие контакты с другими городами, участие во многих конференциях — это позволило очень много опубликовать. Я делал в свое время график количества публикаций за каждый год. Очень хорошо видно, насколько выросло число публикаций. И время изменилось с советских времен, стало больше мест, где можно было публиковаться, соответственно, количество публикаций очень выросло. И все, что я мог сказать умного, я уже сказал в своих статьях

и собирать все это потом в какую-то одну общую диссертацию мне показалось просто лишним. Это ничего не добавит.

Г.Т.: То есть вы не считали необходимым выполнять эту формальность, защищать докторскую диссертацию.

Ф.Э.: Поэтому, когда меня очень приперли названные мною друзья, они сказали: «Давайте тогда проведем по совокупности работ».

Г.Т.: Кто это вам предложил?

Ф.Э.: Гладкий.

Г.Т.: Юрий Никифорович.

Ф.Э.: Юрий Никифорович обладал огромным неформальным влиянием и в Географическом обществе тоже, хотя он не занимал там никаких постов. Он был просто почетным членом общества, но все очень считались с ним. Совет, который тогда возглавлял Лавров, а потом Чистобаев, сумел организовать защиту по совокупности. Я написал реферат очень сжатый о парадигме современной географии, в котором изложил свои теоретические взгляды на этот вопрос с большими ссылками на статьи, которые я опубликовал.

Г.Т.: Эрнест Львович, но ведь защита по совокупности — это большая редкость. Я знаю кроме вас еще, кажется, одну такую защиту, а больше я не знаю докторских работ по нашей специальности, которые защищены по совокупности.

Ф.Э.: Тем не менее обстоятельства сложились так, что мне дали такую возможность.

Г.Т.: Вы уникальный человек.

Ф.Э.: В университете такая защита прошла, прошло все очень прилично.

Г.Т.: В каком году это?

Ф.Э.: Это было в 97-м году мне было шестьдесят четыре года.

Г.Т.: Шестьдесят четыре года.

Ф.Э.: Я думал, наивный человек, что зачем мне защищать диссертацию. Я почему-то считал, что 2000 год будет для меня рубежом. И за шесть лет еще не оправдали себя, так сказать, затраты и расходы, но, к счастью, я ошибся. Таким образом, защита прошла очень хорошо, защищался в ноябре, в апреле мне уже привезли диплом доктора географических наук. Были отзывы, далеко не всегда абсолютно хвалебные, а очень часто и серьезные замечания. Но в данном случае это все-таки наука, а раз наука, то можно иметь право и на свою точку зрения. Такой она была волнующей в свое время и так далее. Поскольку все знали, что я труженик, то все пошли на это. По звонку телефона покойного Андрея Мироненко я узнал, что все прошло нормально и мне высылают диплом. Он тогда отвечал за это дело. Так я стал доктором наук, но, к сожалению, на этом у меня все достижения закончились, потому что профессором я так и не стал. То есть профессор я только по должности, но у меня так и нет ни одного аспиранта.

Об аспирантах и учениках

Г.Т.: А как же Алла Калоева, ваша аспирантка?

Ф.Э.: Так они же не защитили диссертации. Аспиранты у меня были, ни один из них диссертации не защитил по разным причинам. В частности, я очень пострадал от того, что стали забирать в армию, а очень многие молодые люди пошли в аспирантуру только для того, чтобы избежать армии. Как только

кончалась эта льгота, они мне говорили «до свидания, нам не больно-то нужна ваша...» Хотя это были довольно толковые люди, я ничего не могу сказать. Если бы захотели, то они бы сделали. Но они не считали это нужным, потому что, как мы теперь знаем, степень кандидатская ничего не дает в плане карьеры, а рассчитывать на более серьезное, как докторская, они не хотели, интереса к этой работе не имели и уходили. Причем мы с ними публиковали статьи, хорошие статьи. Они делали то, что нужно. Я не могу сказать, что они были тупее, но вот так вот не везло. Еще хуже было с приехавшими в Ленинград. Они вынуждены снимать квартиру, квартира стоит дорого, чтобы заплатить за квартиру, они должны работать. Когда они работают, у них не остается времени на диссертацию, они уходят. Несколько девушек так сделало.

Г.Т.: Зато у вас есть очень много неформальных учеников, которым вы помогали и помогаете.

Ф.Э.: Очень много. Я так и остался профессором по должности, но не по званию. Очень неудобно писать. Дети не могут понять, как это доктор географических наук, профессор, доцент (*смеется*). Так профессор я или не профессор.

Г.Т.: Профессор по должности, доцент по званию.

Ф.Э.: Но я, конечно, очень огорчен, мне бы хотелось иметь...

Г.Т.: Конечно.

Ф.Э.: Но так вот не сложилось. Причем очень хорошие уходили от меня. У меня была подружка Аллы, Горшкова, такая славная девушка, прекрасно делала работы и ушла в биологию почему-то.

Г.Т.: Я все-таки не могу не сказать практически на камеру, что я вам, Эрнест Львович, очень сильно благодарна, потому что именно вы пригласили меня на стажировку сначала к себе в университет на кафедру. Потом вы пригласили меня в докторантуру, но мне хотелось чего-нибудь более гуманитарного, не совсем мне ваша кафедра подходила. И вы буквально за руку отвели меня к Юрию Никифоровичу Гладкому.

Ф.Э.: Я помню.

Г.Т.: С которым я лично не была тогда знакома. Вы познакомили, представили, и в результате все состоялось. Я вам действительно очень благодарна.

Ф.Э.: В свое время я сделал тоже с Кривошапкиной из Якутии, которая работает сейчас. Конечно, я многим...

Г.Т.: Яковлевой, я знаю, вы помогли.

Ф.Э.: Яковлевой я просто пробил.

Г.Т.: Это очень ценное качество. На самом деле у вас есть ученики.

Ф.Э.: Ученики есть. Они даже не скрывают этого, они говорят об этом, но формально я...

Г.Т.: Я знаю, что вы с очень многими коллегами общались и делились своими идеями очень щедро, и с Ольгой Балабейкиной, и со Светланой Корнековой. Очень щедро вы делитесь идеями со всеми, со многими. Вы включаете людей, берете их в соавторы к себе. Это тоже очень ценится.

Ф.Э.: Да, но они честно отрабатывают.

Г.Т.: Нет, я не говорю, что это нечестно, я говорю, что это толчок такой замечательный. Ведь вы задаете уровень и тон определенный, учите их работать и писать. Поэтому я считаю, что ваша роль очень велика для нашей географической науки в этом плане.

Ф.Э.: Ладно, значит, известный был у меня пробел, недодел, но теперь уже умру так доцентом.

Кстати, мой замечательный учитель Биркенгоф тоже не защищал докторскую и входил в общество, которое называлось УД — умрем доцентом.

Г.Т.: Умрем доцентом.

Ф.Э.: Дай бог многим современным профессорам быть на таком уровне.

Г.Т.: Кстати, на профессорство требуется сейчас уже не двое защищенных, а пять.

Ф.Э.: Пятеро. Я знаю, а у меня ни одного.

Г.Т.: Не важно, мы вас будем все равно считать профессором.

Ф.Э.: Меня все равно считают профессором по должности.

Г.Т.: И по званию.

О других местах работы

Ф.Э.: Некоторое время еще имел дополнительную нагрузку, работал в других вузах. Был такой Институт советской торговли, я там подрабатывал. Потом есть такой Гуманитарный университет* Запесоцкого. Юрий Дмитриевич когда ушел оттуда, меня приглашали туда, хотели меня там видеть. Я у них вел до этого курс демографии, но я человек преданный своей кафедре, я извинился и к ним не пошел. Тут сыграла роль еще и топография, уж очень они далеко, не в пешеходной доступности. Конечно, это тоже решало. Совместительство давало возможность работать в других вузах тоже.

* Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов.

Кроме того, я член диссертационных советов в Герценовском университете у Юрия Никифоровича. Там очень интересные контакты с интересными людьми. Часто выступал в качестве оппонента в университете, как и в Герценовском, и таким образом имел контакты с университетскими географами в совете Чистобаева. Это тоже давало большой диапазон встреч.

Г.Т.: В вашем же университете? Тоже же совет?

Ф.Э.: В своем совете, естественно. Я еще работал в одном совете, а в том совете выступал в качестве оппонента, в совет меня туда не приглашали. Что еще можно было бы сказать о моих контактах? Очень часто контактировал со своими старшими учениками, которые разъехались по разным городам. Скажем, в Твери работает наша выпускница саратовская, с ней мы поддерживаем контакты. До сих пор я тоже принимал участие в их судьбах. Так что у меня довольно распространенные контакты от Якутска (Григорий Николаевич Максимов покойный) и до Калининграда, и москвичей, конечно, много.

Русское географическое общество

Еще огромную роль сыграло то, что Юрий Никифорович своим авторитетом привлек меня к работе в Географическом обществе. В Географическое общество я вступил аспирантом. Я приехал в 57-м году, Андрей Львович меня рекомендовал, меня приняли в члены Географического общества. Я тогда был просто рядовым членом общества, тем не менее я уже выступал тогда на заседаниях комиссии и выступал в Лектории Шокальского. Собирались старушки, тогда времена были тяжелые, средств у людей было немного, а тут такое культурное общество, профессора докладывают людям, особенно женщины с удовольствием ходили в общество и слушали выступления. Я выступал по своей псковской экспедиции,

на ура прошло заседание, и меня стали привлекать. Я выступал в Лектории Шокальского, и авторитет мой в обществе стал расти. Привело это к тому, что когда поменялось руководство отделения экономической географии, а оно было всесоюзного общества, то есть оно как бы распространяло власть по всей территории. Я работал в обществе уже в Саратове, председателем был некоторое время Павел Савельевич Кузнецов, а я был ученым секретарем недолго. Но там небольшое количество людей, там не развернешься, а здесь было совсем другое дело. И вот когда поменялся очередной состав, то председателем остался Литовка Олег Петрович, а Юрий Дмитриевич меня рекомендовал ученым секретарем. Тут без хвастовства скажу, что работу, конечно, всю делал я. Литовка ведь занимал ответственный пост директора института, ему до этого мало было дела. То есть мы с ним согласовывали все, что хотели сделать, а дальше делал уже это я. Это давало мне колоссальные возможности по контактам. Я сам приглашал людей сюда: москвичей, саратовцев, белорусов. Приезжали к нам из Минска, из Риги, из Таллинна, из разных самых мест приезжали люди, и мы устраивали выступления. Это были замечательные выступающие люди. Например, приезжал к нам Гохман, он умер в здании общества, к сожалению.

В общем, очень много замечательных географов прошло через наше отделение. Я не могу сказать, что у нас было очень много зрителей, слушателей, тем не менее был какой-то небольшой коллектив, который приходил на наши занятия.

Г.Т.: И не только географы?

Ф.Э.: Приходили и негеографы. Они тоже с интересом слушали. Между прочим, я параллельно еще работал (уже без чинов) в отделении географического образования. Там интересные проводились выступления, доклады, я там тоже выступал. Это дало невероятное количество связей. Я тогда познакомился с Сигаловым и пригласил его выступить. Он у нас в последний раз выступил уже на представительской географии. То есть я обзавелся очень многими друзьями во многих республиках нашей страны. Это украшало жизнь.

Кроме этого, Ольга Александрова Балабейкина сказала, что я еще народный оппонент. Когда ученым секретарем стал Геренчук, мне стали присылать все рефераты по экономической географии. И я считал, сейчас меньше, я уже не располагаю таким временем, своим долгом писать отзывы на эти авторефераты. Должен сказать, что по моим наблюдениям качество рефератов улучшилось. Если раньше приходили довольно пустые работы, приходилось писать много замечаний, то сейчас некоторые работы просто очень сильные, и я охотно пишу. А вот мои, как говорит Владимир Михайлович, фаворитки, это либо Алла Калоева, моя бывшая аспирантка, либо Ольга Александровна Балабейкина, они мне печатали эти отзывы. Иногда лаборантки наши печатали. И вот она меня назвала народным рецензентом, народным оппонентом. Действительно, я выдавал больше десятка отзывов на такие авторефераты. Кроме того, меня довольно часто приглашали, но только в нашем городе, на оппонента уже настоящего официально. Это тоже очень расширяло...

Г.Т.: И у моей аспирантки вы были оппонентом.

Ф.Э.: Я хорошо помню. Так что все это тоже давало контакты, давало популярность, будем говорить.

Г.Т.: Конечно, известность.

Ф.Э.: Эта работа меня всегда настраивала, мне было важно получать рефераты. Если они дельные, я сразу запускал в производство, я сразу же включал их в свой учебный процесс. То есть я получал замечательный новый источник информации. В последнее время появились очень хорошие работы, которые прямо просятся в учебные планы, хотя вроде бы это кандидатские диссертации и рефераты, а это важно. Кому я чаще всего писал рефераты? Тем, у кого руководители меня хорошо знают, которых я уважаю. Допустим, если вижу работу шуваловских аспирантов или кого-то, то я, естественно, в первую очередь стараюсь напомнить о себе этим руководителям. Но я не абсолютно хвалебный тон, кому надо попадает за какие-то недостатки. Тем не менее, если работа мне нравится, я прямо, честно пишу, что это очень здорово.

Ф.Э.: Таким образом, это мне устроил Владимир Михайлович Разумовский, я стал почетным членом

Географического общества. Это высшая моя награда тоже, я считаю. Во-первых, она справедливая, я действительно много работал в обществе. Сейчас в связи с реорганизацией я ушел с этого поста, потому что не стало самого отделения. Оно теперь местное ленинградское. Соответственно, требовалось переизбрание, а я сказал, что прошу меня не переизбирать, потому что я по возрасту, по семейным обстоятельствам не смогу работать так, как я работал тогда, когда я сначала был секретарем, а после, когда Литовка отказался, я был председателем этого отделения и тогда мог работать, а сейчас уже, конечно, о чем говорить. Этой комиссии, теперь это называется комиссией, уже и не существует, никто не пришел. Я очень просил Чистобаева занять этот пост. С его авторитетом, с его широким кругом знакомств он бы был очень, но почему-то не хочет.

Г.Т.: Он занят диссертационным советом.

Ф.Э.: Конечно, занят, но он бы был очень хорошим председателем. А других кандидатов не находится. Во всяком случае, может и Зубовский не хочет, чтобы кто-то был еще. Так что сейчас просто не существует этого отделения.

Я стал, во-первых, почетным работником высшей школы. Это очень приятно. Во-вторых, я почетный член Географического общества и член совета старейшин при Котлякове. В таком качестве я пару раз выезжал в Москву на заседания, пару раз они сюда к нам в Ленинград приезжали. Очень приятно было видеть таких ветеранов, как Лаппо, допустим. Общение с ними — это просто одно удовольствие. На этом же основании я был приглашен в свое время на последний съезд Географического общества, когда с докладом выступал переизбранный наш министр обороны, а теперь и председатель общества...

Г.Т.: Президент.

Ф.Э.: Президент. Тогда же выступал и председатель попечительского совета. Я имел удовольствие слушать их выступления. Это взбадривало, хорошо, что тебя уважают и, вообще, была возможность повидаться с очень многими людьми на съезде, которых я знал, из других городов. Где их еще увидишь, я теперь невыездной, я никуда не выезжаю, если они в Ленинград не приезжают. А так имел возможность оптом увидеть представителей разных городов. Сейчас я продолжаю вести переписку со многими важными, в Чебоксарах. Да, еще могу гордиться, я был восстановителем-организатором двух отделений общества. Во-первых, меня послали в Курган. В Кургане при мне состоялось создание Зауральского отделения...

Г.Т.: Русского географического общества.

Ф.Э.: Русского географического общества. Я и такую роль играл там. Было приятно, что со мной считались, как с представителем центра. Такую функцию мы тоже выполняли.

Очень много мы делали для пропаганды наших учебников. Анатолий Викторович Даринский, обладавший исключительным чутьем, первый сказал, что надо уже делать не экономическую географию СССР, как мы делали учебник до этого, а что пора уже (это еще не распался Союз) делать учебник по Российской Федерации. Мы такой учебник первыми сделали. Да, были определенные недостатки, потом мы усовершенствовали этот учебник.

Г.Т.: В каком году вы его сделали впервые?

Ф.Э.: Можно посмотреть. Где-то еще в 89-м.

Г.Т.: В 89-м, действительно до распада СССР.

Ф.Э.: Еще до распада СССР. Потом несколько раз приходили издания, они многократно дублировались, их переводили на татарский язык, на якутский язык, даже перевели на японский.

Г.Т.: С ума сойти.

Ф.Э.: На японский язык.

О втором браке

Г.Т.: Эрнест Львович, вы много сейчас уже рассказывали и о контактах научных, и о дружеских, а все-таки мне кажется, часть вашей биографии, связанной с Еленой Яковлевной, немножко надо тоже затронуть. Ведь после смерти вашей жены, когда вы перебрались в Санкт-Петербург, дальше ваша жизнь на этом не закончилась.

Ф.Э.: Да, моя жизнь на этом не закончилась. Дело в том, что я по природе семьянин, в этом отношении я похож на своего отца, который всю жизнь прожил с одной женщиной. Она умерла, к сожалению, раньше его, ей только семьдесят шестой год шел, а он-то умер накануне восьмидесятипятилетия. Понимаете, я не мыслил себя вне семьи, поэтому я нашел и уговорил очень хорошую девушку, которая была прекрасной женой, хотя и ворчливой, но это я легко переносил. У меня психика такая, что она спокойно выносит все это (*смеется*). К сожалению, когда я с ней распрощался, то даже ее родственники сказали: «Обязательно женись. При всем, что ты так любишь свою Валю, ты не сможешь прожить один, просто тебе нужна жена. Мы не будем нисколько обижены, если ты найдешь». Когда я переехал сюда, естественно, стал ходить на комиссию по методике, по географическому образованию. Тогда ее возглавлял Анатолий Викторович Даринский. Я потом поменял отделение, но тогда началось с этого. Елена Яковлевна была фактически его правой рукой, она на кафедре очень много помогала своей старательностью, скрупулезностью. Естественно, она тоже бывала, а поскольку мы знали с 52-го года, то в 82-м году — всего-то тридцать лет разницы. Тем более, мы переписывались с ней, я следил за ее работами, у нее были очень интересные работы. Я писал на них рецензию в Географическом обществе, тогда ее не поместили, потому что кто-то уже написал раньше гораздо худшую рецензию, чем написал я. Но я послал ей текст свой, она была очень довольна. Хорошая книжка у нее там по экскурсиям, в частности. Этим занимался и сам Анатолий Викторович, вот у меня были прекрасные книги по географическому искусству. Вообще, она много хорошего писала. Поэтому как-то так получилось, что мы решили, что старый друг лучше новых двух. Потом Анатолий Викторович гордился: «Второй брак тоже я вам устроил». Он гордился, что дважды меня женил.

Г.Т.: В каком году вы поженились?

Ф.Э.: Формально в 85-м году 6 февраля, мы вот только что отмечаем очередную годовщину. Я поставил две задачи, мы должны когда-нибудь сказать, как Пушкин: «Жили они тридцать лет и три года». Вот будет 18-й год — будет тридцать три года. Я поставил перед Леной такую задачу. Она очень нежная, она работоголик по природе и очень переживает, что ничего не может делать, физически не может. Она почти ничего не видит. Она еще пару лет назад пожаловалась невропатологу, что хочет работать. Он говорит: «Милая моя, да вы в своей жизни столько наработали, что спокойно можете ничего совершенно не делать». Вот так ее и уговаривал, она буквально плачет. Единственное, в чем она мне завидует, что я могу работать, а она не может. Она еще работала немножко после инфаркта, во 2-м году полученного, пару лет проработала, а потом ушла, потому что уже ходила с трудом, а как она поедет.

Она мне очень помогала, мы с ней очень много совместных работ писали, потом она редактировала мои тексты. Кстати, мне и диссертацию она редактировала, с точностью, скрупулезностью. Это было очень полезно. Она очень жалеет об этом времени после инсульта. Она очень переживает. Я тут книжечку делал, она часто выступает моим соавтором, прежде всего в учебниках. Потом опять все эти замечательные учебники, которые мы сделали первыми по России. Мы приезжали и рассказывали о них во многих городах, я уже рассказывал, в Кирове, в Краснодаре, а потом просто собирали в более приятных местах — в Геленджике, в Новороссийске. Вот так нас туда приглашали. Мы выступали в Твери той же. Много ездили вместе, очень много экскурсировали за счет того, что смотрели. В том числе, в Саратове были. Я ей показывал свой...

Г.Т.: Вы ведь вместе и в Оренбург приезжали.

Ф.Э.: В Оренбург приезжали, она активно еще работала тогда. Так что мы много путешествовали с нею вместе, до Красноярска включительно. Сама она дальше не ездила, даже с учениками без меня уже. Она много ездила, поэтому плохо представляю себе, как бы я жил с женой-негеографом. У меня одна жена

была географ, а вторая жена — географ.

Г.Т. (*смеется*): Да, это очень важно. Действительно, очень много общих интересов.

Ф.Э.: Конечно, общность интересов. Все понимали друг друга, помогали друг другу. Это очень облегчало жизнь. Конечно, сейчас это для меня страшная потеря. То есть уже потеря потому, что ничего она этого уже сделать не может. Это, конечно, делает жизнь очень тяжелой для меня в психологическом отношении.

Итоги научной и педагогической работы

Если подводить итоги, я считаю, что в каких отраслях я работал, это было успешно. Во-первых, в школьной педагогике. Учебники, правда, создавал не я один, а в коллективе, но я был одним из ведущих членов коллектива.

Г.Т.: Несомненно.

Ф.Э.: И поэтому наши учебники — российская экономическая география — во многом были моей заслугой, потому что мне часто приходилось немножко дискутировать с Анатолием Викторовичем. Он не всегда слушался, тем не менее мы сделали. Я считаю, что это мой большой вклад. Многие знают мою фамилию именно поэтому. Кроме того, я много же давал учебной литературы вузовской. В том числе, я считаю очень сильным тот учебник, который сделал...

Г.Т.: Голубчик.

Ф.Э.: Да, Голубчик. По-моему, это очень классное произведение.

Г.Т.: Да, действительно, очень сильное и теоретически сильное.

Ф.Э.: И хотя нам пришлось значительно изменить, потому что очень изменилось...

Г.Т.: Изменилась ситуация.

Ф.Э.: География — наука быстро текущая, почти полтора десятилетия... Люди многие изменились, география тоже, поэтому нам пришлось переделывать. Я сказал, что мы должны оставить Голубчика все равно. Пришли к такому общему решению, что мы отредактируем, осовременим, модернизируем те тексты, которые писал он, но оставим его основы и оставим его первым ведущим автором, каким он и был. И теперь мы договорились, что авторов просто сделаем в алфавитном порядке, не в порядке, так сказать, доли, как в первом издании было, а в алфавитном порядке. Получилось очень хорошо, Голубчик остался на первом месте как инициатор этого издания, организатор его. Светлана Владимировна...

Г.Т.: Макар.

Ф.Э.: Как дама она оказалась на втором месте. На третьем оказался Артур Модестович Носонов, они вместе работали в Саранске с Голубчиком, он очень серьезный автор. Дальше я, я согласился, они очень волновались, переживали, а я сказал: «Какая мне разница, пусть я буду четвертым». Значит, я остался на четвертом месте. Главное расписано, какие главы остались авторские, а какие были отредактированы. Часть Голубчиковых текстов я добавлял, остальные Макар и особенно Носонов, он, конечно, много сделал. Я считаю, что этим учебником можно гордиться. Но у меня есть и другие интересные направления. Различного рода методические указания. Там писали, что составители, мы же были не составители...

Г.Т.: Вы были авторы.

Ф.Э.: Конечно, авторы. Это нельзя назвать «составители». Действительно, это использование передовых достижений науки, но очень авторски переработаны. Ясно, что мы не составители, то есть это были очень серьезные... Они хорошо воспринимаются читателями, студентами, в частности. Вот это считаю тоже одно

из направлений. Если говорить о чисто научных направлениях, то меня всегда очень интересовала историческая география. Я одну из первых своих работ опубликовал в этом плане в эстонском журнале Географического общества. Мой приятель жил там, он пристроил меня. Там я и работал по исторической географии, сохранял верность до сих пор, сейчас контактирую с Людмилой Борисовной. Это направление меня всегда очень интересовало и сейчас интересуется. Я буквально с операционного стола бегал читать, выступать на этой последней конференции. Затем я очень много занимался, как я уже говорил, дачной географией, географией туризма.

Г.Т.: Да-да. Все-таки я немножко уточню, что историческая география — речь шла о комиссии по исторической географии, которую сейчас возглавляет Людмила Борисовна Вампилова.

Ф.Э.: Нет, но я занимался вне зависимости от того, какой пост она занимала.

Г.Т.: Нет, я понимаю. Просто вы назвали Людмилу Борисовну.

Ф.Э.: Да, именно она инициатор всех этих совещаний. Это у нее не отнимешь.

Г.Т.: Да, и речь шла о регулярных конференциях, которые проводятся в Санкт-Петербурге.

Ф.Э.: Они всегда проходили интересно, там хороший был состав докладчиков. Дальше я, конечно, довольно много занимался теорией географии, особенно с теми научными учреждениями, которые занимались изучением ... как она называется? Главным образом, меня интересовал географический детерминизм. Это и тема моей диссертации кандидатской, она потом развита была в ряд пособий тоже. Это тема меня всегда тоже очень волновала, и я много по ней писал. А вот туризм — это было совершенно новое направление, его после Преображенского, которого ведущие ученые, наверняка, забыли. Я писал, что он первый, кто серьезно стал заниматься этими проблемами. Вот это те основные направления, которые меня интересовали, не учебные, а уже такие, то есть чисто научные. Трудно судить о размере своего вклада, но, во всяком случае, найти работы, которые цитируют, можно.

Г.Т.: Конечно, ссылаются. Я помню, вы себя называли мастером малых форм.

Ф.Э.: Да, так оно и было, я никогда не писал лишних слов, я писал только то, что я мог действительно сказать, что-нибудь оригинальное, новенькое, а развозить не стоило. Но я, во всяком случае, высказывался, предлагал создать такой, сейчас очень популярно — это география трудовых ресурсов, или теперь как говорят, рынков рабочей силы, но тогда еще при советской власти такого не было. Я был одним из первых, который тогда поставил эту задачу.

Я пытался высказываться по вопросам электоральной географии, причем в данном случае не столько в географических изданиях. Я написал в газету, там вышла такая статья под названием «А если кандидат не проходной». Я проанализировал все и убедился, что совершенно зря выставляется ряд кандидатур, они никогда не имеют никаких шансов. То есть это огромные затраты и без всякого смысла. Это привело, в конечном счете, к изменению всей избирательной технологии, естественно, без ссылок на меня. По моему, это очень интересная была работа по электоральной географии. Но потом я это бросил, потому что понял, что все не имеет значения. Хотя, скажем, на Западе это очень популярно. Вот это меня интересовало. То есть у меня были довольно разносторонние интересы и я, что мог, старался по этому вопросу сказать. Потом другие люди говорили это гораздо серьезнее, гораздо капитальнее, но идеи-то, в какой-то мере, мои. Но один из примеров. Например, я написал географию высшего образования в Саратове еще, причем вызвано было издание вот каким обстоятельством. У нас очень много было поступивших с Грузии, из Украины, и я спрашивал хороших наших студентов, они хорошо мне доверяли: «Как вы здесь оказались? Зачем? Зачем вы уезжаете из благословенной Украины, где так тепло и сытно и едете в Саратов?» Они говорят: «А вы попробуйте поступить в украинский вуз, никаких денег не хватит». Уже тогда там был уровень коррупции чудовищный, и, тем более, в Грузии. Они приезжали в Саратов, если могли, и у нас поступали по правилам, по закону. У нас принимали всех, кто сдавал экзамен, никаких привилегий и коррупции не было. Это совершенно точно. Мы тогда со студентами, они мне очень помогали, проходили практику специальную в вузовских центрах, собирали материал. Мы собрали очень хороший материал и выдвинули идею, что существуют центры высшего образования и пункты высшего

образования, в общем, такая классификация, и появилась очень интересная брошюрка. Она вдохновила многих, в частности, Котовский, вдохновившись ею, защитил докторскую диссертацию по этой теме и прямо мне в личной беседе сказал, что его вдохновила моя книжка. Он понял, что это тоже географический сюжет. То есть я расширил ассортимент, так сказать, тех функций, которые могла исполнять география. Я один из первых написал брошюру про географию питания. Сначала не брошюру, а статью, в «География в школе» была опубликована. Потом это стало развиваться, как многочисленная публикация с уже более глубоким изучением. Также я старался внести какую-то новизну в исследование географических расширений и в поле ее влияния. В какой-то мере, считаю тоже своей заслугой перед географией. В свое время мы праздновали юбилей, восемьдесят лет Юрия Дмитриевича Дмитревского в Географическом обществе. И он там замечательно, вообще, проведший все это мероприятие, сказал, что вот мне говорят, что я такой замечательный географ, а на самом деле, я сделал только одно географическое открытие, я доказал, что пустыня Калахари вовсе не пустыня. Конечно, это шутка (*смеется*). Это очень характерная самооценка человека, конечно, шуточная, но, в общем, правильная. Это он действительно доказал, а остальное, дескать, описывать нечего. Но я еще пока ничего такого не доказал.

Г.Т.: Понятно.

Ф.Э.: Будем, наверное, считать, что закончили все-таки. Если есть еще какие вопросы — давайте. Помоему, я, в основном, осветил.

Г.Т.: Да. Мне кажется, что основное вы осветили, хотя мы с вами в таком интенсивном формате все это сделали, что, возможно, вопросы появятся потом уже, слишком много всего вы рассказали. Это, конечно, очень интересно.

Ф.Э.: Я могу еще сказать, что к 80-летию моему был сделан сборник, в котором были указаны все мои публикации, которые удалось отыскать, кроме газетных, там газетных было только одна или две, которые имели такое значение не газетное, они привели к таким реальным политическим изменениям... Все равно получилось значительно больше четырехсот. И помогала мне вот Ольга Александровна Балабейкина, большую работу вела, поэтому, она вела весь учет моих работ и оформляла все, и Анатолий Леонидович Дмитриев — это такой молодой мой коллега и он не географ, но он любил и тоже уважал Юрия Дмитриевича и, соответственно, меня как географа. Мы с ним очень хорошо дружим. Вот он большой мастер по этому делу. Они вдвоем оформили это произведение. Сейчас оно дает основание, я хочу составить более полный список ссылок моих работ. Действительно, для чего ты работаешь, чтобы кто-то прочитал, кто-то использовал. А на меня не стеснялся ссылаться даже Саушкин.

Г.Т.: Прекрасно, прекрасно. Есть цели, задачи.

Ф.Э.: И вот есть цель такая, во-первых, более подробный список цитат. Потом там многое не понятно. Допустим, мою статью о Марше Гарис перевел на английский и издал в Соединенных Штатах не по моей просьбе, а его перевод.

Г.Т.: Они это делали, да.

Ф.Э.: Очень я гордился этим. Мне прислали английские тексты, благодарности, что такую статью я написал о замечательном американском географе. Вот это надо бы включить в индекс цитирования.

Г.Т.: Конечно.

Ф.Э.: Потому что есть индекс цитирования, а по нашим правилам не полагается.

Г.Т.: А почему?

Ф.Э.: А потому что это не цитирование, а просто перевод, понимаете. А я горжусь таким.

Г.Т.: Конечно. Я думаю, что надо уточнить, где именно выходные данные.

Ф.Э.: Так есть они. Это я в Саратове еще сделал такую статью, вот на нее ссылается и Саушкин,

в значительной степени он инициировал эту публикацию. Так что я не просил, никому не набивался. Меня переводили на самые разные языки. Это даже еще приятнее.

Г.Т.: Конечно, это приятно.

Ф.Э.: Чем платить еще за это деньги.

Г.Т.: Ну ладно. Эрнест Львович, я вас так благодарю за цикл этих бесед.

Ф.Э.: А я вас тем более благодарю.

Г.Т.: Интенсивных, замечательных и интересных.

Текст авторизован Э.Л. Файбусовичем.